

З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

ЗИГМУНТ МИЛОШЕВСКИЙ

ДОЛЯ ПРАВДЫ

Номинант Европейской книжной премии

Премия «Паспорт "Политики"» за выдающиеся достижения в области литературы

Зигмунт Милошевский

Доля правды

Серия «Звезды детектива (АСТ)»

Серия «Теодор Щацкий», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20616880

Доля правды: «Текст»; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-118578-7

Аннотация

Старый город Сандомеж потрясает убийство: неподалеку от местного монастыря находят полностью обескровленный труп женщины, зарезанной ножом для кошерного убоя скота. Дело поручают прокурору Теодору Щацкому, который был вынужден переехать в провинцию из Варшавы. Вскоре он понимает, что просто так раскрыть преступление не удастся. Оно связано со старыми легендами, опутывающими этот город, и с недавними трагедиями XX века. Оно пробуждает прошлое, оживляет древние суеверия, ненависть и распри. Вскоре прокурору придется не только вести расследование, но и успокаивать паникующих озлобленных горожан. А убийца не останавливается, и его методы становятся все более средневековыми.

Содержание

Глава первая	6
1	8
2	22
3	29
4	31
5	37
6	40
7	44
8	50
9	54
10	57
11	71
Глава вторая	78
1	80
2	90
3	99
4	103
5	113
6	117
7	125
8	126
Глава третья	129
1	131

2	143
3	147
4	149
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Зигмунт Милошевский

Доля правды

Марте

Zygmunt Miłoszewski
ZIARNO PRAWDY

© Grupa Wydawnicza Foksal, 2011

© Ольга Лободзинская, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава первая

Среда, 15 апреля 2009 года

Евреи, вспоминая переход через Красное море, торжественно отмечают седьмой день Песаха, христиане – четвертый день Пасхальной октавы¹. Для поляков это второй день трехдневного национального траура по жертвам пожара в Камень-Поморском. В мире большого футбола команды «Челси» и «Манчестер Юнайтед» выходят в полуфинал Лиги чемпионов УЕФА, в мире футбола польского суд выносит нескольким болельщикам лодзинского клуба «ЛКС» обвинение в разжигании межнациональной розни за ношение футболок с надписью «Смерть „Видзеву“² – еврейской курве». Главное управление полиции публикует мартовский отчет об уровне преступности: по сравнению с мартом 2008 года она выросла на 11 процентов. Полиция комментирует: «Кризис толкает людей на преступление». В Сандомеже он уже толкнул продавщицу из мясного отдела, и та толкнула из-под

¹ Пасхальная октава – в Католической церкви термин, объединяющий Пасхальное воскресенье и следующую за ним Пасхальную неделю. Заканчивается Пасхальная октава на следующее воскресенье, когда дополнительно отмечается праздник Божьего Милосердия.

² «Видзев» – футбольный клуб из Лодзи, города, в котором до войны жило много евреев.

прилавка сигареты без акциза, женицина задержана. В городе, как и во всей Польше, холодно, температура не выше 14 градусов, но это первый солнечный день после холодной Пасхи.

Нет, духи не приходят в полночь. В полночь еще показывают по телевизору фильмы, подростки исступленно мечтают о своих учительницах, любовники набирают силы для следующего раза, старики супруги озабоченно толкуют о том, куда идут деньги, примерные жены вытаскивают из духовки пироги, а достойные порицания мужья не дают детям спать, пытаясь по пьянке открыть дверь квартиры. В полночь жизнь по-прежнему бурлит, и духам умерших нелегко произвести подобающий эффект. Другое дело – перед рассветом, когда вздремнет даже служитель автозаправки, а мутная зорька мало-помалу извлечет из полумрака существа и предметы, о существовании которых мы и не подозревали.

Время близилось к четырем, солнце встанет через час, а в читальне Государственного архива в Сандомеже Роман Мышинский в окружении почивших в бозе боролся с одолевающим сном. Горы приходских книг XIX века источали удушливый запах смерти, хотя в них преобладали записи, касающиеся скорее радостных событий – крестин и венчаний. Просто трудно было избавиться от мысли, что все эти новорожденные и новобрачные уже не один десяток лет гниют в могиле, а все эти редко раскрываемые книги, по которым, дай-то Бог, раз в год прохаживался пылесос, являют собой единственное свидетельство их существования. Этим и так

посчастливилось, если принять в расчет, как с польскими архивами обошлась война.

В помещении царил холод, кофе в термосе закончился, а в голове у Мышинского рождались только проклятия: на кой черт занялся он поисками генеалогических деревьев да еще фирму открыл, вместо того чтобы пойти на должность ассистента. В вузах доходы хоть и невелики, но стабильны, там и страховку оплачивают – одни плюсы. Особенно по сравнению со школой, куда угодили его однокурники: при столь же низкой зарплате они успели вкусить чувство безысходности и натерпеться от угроз учеников, вполне подпадающих под статьи Уголовного кодекса.

Он бросил взгляд на раскрытую страницу, где в апреле 1834 года ксендз из прихода в Двикозах каллиграфически вывел: «Явившиеся и ихние свидетели неграмотныя». Вот, собственно, и все, что известно по части дворянского происхождения Влодимижа Неволина. Однако останься у кого-нибудь сомнения: дескать, у родителя, прапрадеда Неволина, принесшего окрестить дитя после *пуповин*³, скорее всего, выдался тяжелый денек, они бы тотчас же отпали ввиду его принадлежности к крестьянскому сословию. Мышинский был убежден: докопайся он до свидетельства о браке, то обнаружится, что упомянутая в метрике Марьянна Неволина – пятнадцатую годками помоложе своего супруга – не

³ *Пуповины* – обычай празднования рождения ребенка в день его появления на свет.

иначе как прислуга. И по тем временам, верно, проживала со своими родителями.

Он встал, резко потянулся, задев рукой висящий на стене довоенный снимок сандомежской Рыночной площади. Поправил его и подумал: а ведь сейчас площадь выглядит несколько иначе. Скромней, что ли. Он выглянул в окно, площадь застилал туман. Что за вздор, с какой такой стати старая средневековая площадь должна выглядеть иначе и почему он вообще об этом думает? Берись-ка ты лучше за работу, если хочешь восстановить прошлое Неволина и успеть в Варшаву к часу дня.

Какие сюрпризы могут его ожидать? Со свидетельством о браке заморочек не предвиделось, так же как и с метриками Якуба и Марьянны, где-то они найдутся – для исследователей архивов Царство Польское⁴ было, слава Богу, довольно благосклонно. Благодаря наполеоновской конституции, начиная с XIX века, в Варшавском герцогстве⁵ регистрация актов в приходах проводилась в двух экземплярах, один из которых передавался в Центральный архив. Позднее правила

⁴ *Царство Польское* – территория Польши, находившаяся в унии с Российской империей с 1815 по 1832 год, ставшая впоследствии (с 1832 по 1916 год) частью империи.

⁵ *Варшавское герцогство* – государство, образованное в 1806 году из польских территорий, отошедших после второго (1793 г.) и третьего (1795 г.) разделов Речи Посполитой к Пруссии и Австрийской империи. Являлось протекторатом наполеоновской Франции и просуществовало до 1815 года, когда большая его часть была присоединена к Российской империи.

изменились, но все равно было не так уж плохо. Зато в Галиции⁶ дела обстояли хуже, а Восточные Кресы⁷ – вот уж где настоящая генеалогическая черная дыра! Например, в Забужанском архиве в Варшаве актов раз-два и обчелся. То бишь с Марьянной, родившейся году в 1814-м, проблем не предвиделось. С Якубом – конец XVIII века – то же самое, ксендзы народ образованный, и метрические книги были полными, исключая разве уж самые ленивые приходы. А в Сандоже на помощь приходил исторический факт: во время войны ни фашисты, ни Советы не обратили город в пепел. Самые старые книги относились к XVI веку – ведь только тогда, на Тридентском соборе, Церкви пришло в голову переписывать своих овечек.

Он потер глаза и склонился над раскрытой книгой. Выходит, нужно просмотреть записи о венчаниях в Двикозах за последние два года, а заодно сразу же поискать мать. Девичья фамилия Кветневская. Хм. В голове раззвонился звоночек.

Прошло два года с тех пор, как Мышинский, не вникая ничьим советам, открыл фирму «Золотой корень». Идея сия взбрела ему в голову, когда он, собирая материалы для кандидатской в Главном архиве метрических книг, увидел людей с безумным блеском в глазах, беспомощно разыскиваю-

⁶ *Галиция* – коронная земля Габсбургской монархии со столицей во Львове. Образована после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году.

⁷ *Восточные Кресы* – польское название (от слова *kres* – граница, край, рубеж) нынешних территорий Западной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входивших в состав Польши.

щих любую информацию о предках, дабы воссоздать свою родословную. Одному пареньку он помог из жалости, девице – из-за располагающего к себе бюста, ну и наконец – Магде, поскольку была она прелестна со своей огромной генеалогической диаграммой, напоминающей Древо Иисея⁸. Кончилось тем, что Магда и ее диаграмма проживали у него целых полгода, на пять месяцев дольше, чем ему бы хотелось. Съезжала она со слезами и осведомленностью, что прапрабабка ее, Цецилия, оказалась незаконнорожденной, ибо в 1813 году окрестила ее повитуха.

Тогда-то он и решил воспользоваться этим генеалогическим безумством и пустить в дело свое умение извлекать сведения из архивов. Его приятно будоражила мысль, что вскоре он заделается своеобразным сыщиком, погруженным в историю. Поначалу он, как и положено в романах и фильмах нуар, коротал время в ожидании телефонных звонков, пялясь в потолок, однако с течением времени клиенты появились. От случая к случаю и от заказа к заказу их становилось все больше и больше, правда, они отнюдь не напоминали длинноногих брюнеток в фильдеперсовых чулочках. К нему в основном наведывались представители двух человеческих типов. Во-первых – закомплексованные очкарики в пуловерчиках, с выражением «ну что я тебе такого сделал?» на лице, которым не больно-то повезло в жизни, а потому они надеялись обрести ее смысл в давно уже разложившихся

⁸ *Древо Иисея* – аллегорическое изображение родословия Иисуса Христа.

предках. Покорно и притом с каким-то облегчением, будто изначально были готовы к подобному удару, принимали они весть, что являются ничьими потомками из Ниоткуда.

Представители второго типа – как раз случай Неволина – с самого начала намекали: за подтверждение, что ведут свой род от пьяных кучеров и шлюх, платить они не станут, а раскошелятся на поиски шляхетских предков с гербами и места, куда можно повезти своих детишек, чтобы показать им – вот тут-де стояла усадьба, где прадедушка Поликарп залечивал раны после восстания. Не важно какого. Поначалу Роман был добросовестен до умопомрачения, однако потом пришел к выводу, что он ведь всего-навсего частная лавочка, а не какой-то там исследовательский институт. Раз шляхта подразумевает премии, чаевые и очередных клиентов, то пусть будет шляхта. И пожелай кто-то составить представление о прошлом Речи Посполитой на основании только лишь его изысканий, то быстренько бы пришел к выводу, что, против ожидания, это страна отнюдь не примитивных крестьян, но благовоспитанных господ, в худшем случае – процветающих мещан. И хотя Роман любыми способами притягивал факты за уши, он никогда не лгал – просто до тех пор копался в боковых ветвях, пока не отыскивал какого-нибудь завалящего помещика.

Но упаси Бог откопать еврея. Ведь говори не говори, что в Польше в межвоенный период евреи составляли десять процентов населения, в связи с чем среди предков обязатель-

но отыщется иудей, особенно в Царстве Польском или Галиции, – аргумент сей никого не убеждал. Два раза с ним такое случилось. В первый раз с ним чисто по-человечески поговорили, а во второй его чуть было не уколошили. Сначала он был сильно озадачен, потом на пару дней призадумался и решил: наш клиент – наш хозяин. Как правило, к этой теме он обращался в первый же разговор с заказчиком и, если оказывалось, что она возбуждает излишние эмоции, готов был замести потенциального Ицэка под ковер. Однако случалось такое считанные разы – Катастрофа снесла крону генеалогического дерева Израилева.

И вот те на, в документах XIX века всплыла Марьянна Неволина, *de domo*⁹ Кветневская. Чаше всего фамилии от названия месяцев¹⁰ получали выкресты, именно в тот месяц они и крестились. То же самое с фамилиями, образованными от дней недели или начинающимися с приставки «ново-». Да и фамилия Добровольский могла указывать на то, что кто-то из предков добровольно перешел из иудейского вероисповедания в христианское. Роман был уверен, что за всеми этими историями стояла любовь: люди, выбирая между религией и чувствами, отдавали предпочтение вторым. А поскольку католицизм в Речи Посполитой был религией господствующей, то и переход обычно осуществлялся именно в этом направлении.

⁹ *De domo* (лат.) – дословно «из дома»; девичья фамилия.

¹⁰ Kwiecień (польск.) – апрель.

Собственно, в данный момент Роман мог бы не идти по этому следу – его и без того удивило, что подтвержденные документами корни Неволина уходят так глубоко. Но, во-первых, ему самому стало интересно, а во-вторых, его вывел из себя этот прохвост, размахивающий у него перед носом перстнем с пустым местом для герба.

Он включил ноутбук и открыл один из главных своих источников – отсканированный «Географический словарь Королевства Польского и других стран славянских», фундаментальный труд конца XIX века, где было описано практически каждое селение в границах Речи Посполитой еще до ее разделов. В списке названий отыскал Двикозы, село и бывшее церковное хозяйство, насчитывающее 77 изб и 548 жителей. И ни слова о еврейской общине, что вполне естественно, ибо селиться евреям на землях Католической церкви было запрещено. Следовательно, если Марьянна была из семьи местных выкрестов, то ее нужно искать или в Сандомеже, или в Завихосте. Он заглянул в сканы и справился, что в Сандомеже насчитывалось 5 еврейских постоянных домов, одна синагога, 3250 католиков, 50 православных, 1 протестант и 2715 евреев. А в Завихосте на 3948 душ населения иудеев числилось 2401. Немало. Взглянул на карту. Интуиция подсказывала ему: Завихост предпочтительней.

Роман отогнал от себя мысль, что впустую тратит время, встал, сделал несколько приседаний, скривился, услышав в коленках хруст, и вышел из читальни. В темном коридоре

щелкнул переключателем – никакого эффекта. Щелкнул еще два раза – опять ничего. Огляделся в растерянности. Хотя ему уже приходилось провести ночь в архиве, на сей раз его охватило беспокойство. *Genius loci*¹¹, решил он и перевел дух, упрекая себя за буйную игру воображения.

Разозленный, еще раз щелкнул выключателем – несколько коротких вспышек, и лестничную площадку озарил мертвенный свет люминесцентных ламп. Он бросил взгляд вниз, на готический портал, ведущий из административной части в архив. Выглядел тот, как бы поточнее выразиться, зловеще.

Чтобы нарушить тишину, он откашлялся и стал спускаться, размышляя по дороге о том, какую пикантность делу Неволина и его прапрабабки *de domo* Кветневской придает тот факт, что сандомежский архив располагается в помещении синагоги XVIII века. Читальня и комнаты сотрудников архива находились в пристроенном к ней здании, где некогда обитала администрация общины. Сами же метрические книги стояли в главном молитвенном зале синагоги. Это было одно из самых интересных мест, какие он когда-либо видел за свою карьеру хроникального сыщика.

Внизу он толкнул тяжелую, обитую декоративными гвоздями железную дверь. В нос ударил ореховый запах столетних бумаг.

Старый молитвенный зал по форме напоминал огромный куб, который весьма хитроумно приспособили под архив.

¹¹ *Genius loci* (лат.) – гений места (добрый гений, дух-покровитель).

Посреди помещения возвышалась ажурная конструкция – хитросплетение металлических панелей, ступенек и полок. Ее можно было обойти со всех сторон, войти внутрь, в лабиринт узких коридорчиков, или же подняться на верхние ярусы и там углубиться в старые книги. Напоминала она как бы сильно вымахавшую биму¹², где теперь вместо Торы можно было почитать книги, подтверждающие рождение, брачные узы, уплату налогов и вынесенные приговоры. Вот они, священные книги современной бюрократической эры, подумал Роман. Не зажигая света, он пошел в обход сооружения, скользя ладонью по холодной оштукатуренной стене. Так дошел до восточной стены, где еще несколько десятков лет назад в нише, именуемой *арон а-кодеш*¹³, хранились свитки Торы. Он зажег фонарик. Луч света пронзил густой пропыленный воздух, извлекая из темноты золотого грифона, удерживающего в когтях доску с древнееврейскими письменами, – похоже, одна из Скрижалей Завета, пришло ему в голову. Он направил луч вверх, однако многоцветная роспись вблизи свода тонула во мраке.

По крутым ажурным ступенькам Роман в сопровождении металлического эха поднялся на самый верхний ярус и оказался под сводом. Перемещаясь между полками, заставленными метрическими книгами, он стал рассматривать в свете фонарика знаки зодиака. Дойдя до крокодила, нахмурил

¹² *Бима* – возвышенное место в центре синагоги, с которого читают Тору.

¹³ *Арон а-кодеш (иврит)* – синагогальный ковчег.

брови. Крокодил?! Взглянув на соседний знак – Стрельца, – понял: это вовсе не крокодил, а скорпион. Роман помнил, что в иудаизме нельзя изображать людей, и подошел к Близнацам. Вопреки правилу, у них оказались человеческие фигуры, правда, без головы. Его даже передернуло.

Ну ладно, решил он, хорошенького понемногу. В довершение ко всему он еще заприметил обвивавшегося вокруг *окулюса*¹⁴ Левиафана. Дух смерти и истребления всего живого обрамлял пятно сероватого света, напоминающее вход в его подводное царство. Стало как-то не по себе, захотелось немедленно унести отсюда ноги, но в тот самый момент за этим округлым оконцем он краешком глаза уловил некое движение. Он влез с головой внутрь чудовища, однако сквозь грязное оконное стекло вряд ли что разглядишь.

В другой стороне зала скрипнула доска. Роман внезапно разогнулся и больно ударился головой об оконный проем. Выругался, вылез из *окулюса*. И снова скрип.

– Эй, есть там кто?

Посветив фонариком по сторонам, увидел лишь книги, пыль и знаки зодиака.

На сей раз скрипнуло где-то совсем рядом. Роман тихо вскрикнул, а потом с минуту успокаивал дыхание. Доигрался, пронеслось в голове, нельзя так мало спать и глотать столько кофе.

¹⁴ *Окулюс* – круглое или овальное отверстие в стене или в своде для освещения помещения.

Быстрым шагом он двинулся в сторону крутой лестницы; от пропасти, зияющей между ним и стеной, его отделяли хлипкие перила. Поскольку освещающие весь зал окна находились как раз на верхнем ярусе, то теперь он шел мимо довольно странных сооружений. Служили они для открывания и мытья окон и смахивали на разводные мосты, застывшие в поднятом положении. Чтобы добраться до окна, следовало отвязать толстый канат и опустить мостик так, чтобы он вошел в оконную нишу. Забавный механизм, подумал Роман, а ведь ни полки с книгами, ни тем более стены не собирались в долгое странствие, почему бы эти мостики не укрепить неподвижно? Сейчас вся эта конструкция напоминала ему готовое отшвартоваться судно с поднятыми трапами. Он скользнул по ней лучом фонарика, подошел к лестнице и было поставил на ступеньку ногу, когда мощный грохот прокатился по всему залу, лестница содрогнулась, а Роман, потеряв равновесие, не рухнул лишь потому, что обеими руками ухватился за поручень. Фонарик полетел вниз, два раза отскочил от пола и потух.

Он выпрямился, сердце колотилось бешено. Все еще в шоке, он быстро осмотрелся. Сорвался мостик, мимо которого он только что прошел. Роман глядел на него, с трудом переводя дыхание. Потом рассмеялся. Похоже, что-то нечаянно задел. Физика – о да, но не метафизика. Всё просто. В любом случае он в последний раз работает по ночам среди всех этих прапратрупов.

Почти на ощупь Роман приблизился к разводному мостику и, пытаясь поднять его, ухватился за канат. Естественно, где-то заело. С проклятиями он вполз на коленях в оконную нишу. Окно выходило на те же кусты, что и охраняемый левифаном *окулюс*.

Теперь внешний мир был единственным и притом невероятно слабым источником света, внутри царила тьма. Предрассветный час сменялся весенней, робкой еще зорькой, из сумерек проступали деревья, дно окружающего Старый город рва, понастроенные на противоположной стороне холма виллы и стены старого монастыря францисканцев. Темный туман постепенно серел, отчего мир выглядел маловыразительно и расплывчато, словно отражался в мыльной воде.

Напрягая зрение, Роман взглянул в то место, куда указывало ухваченное краешком глаза движение, — в кусты под развалинами городской стены. На фоне тускло-серого тумана отчетливо выделялась загадочная стерильная белизна. Он потер рукавом стекло, но затейливый механизм разводного моста явно не способствовал частому мытью окон, и он только размазал грязь.

Роман открыл окно и заморгал — в лицо подул холодный ветерок.

Как плавающая во мгле фарфоровая куколка, подумал Мышинский, глядя на лежащее у стены мертвое тело. Было оно неестественно, до жути, белым.

Сзади громыхнули тяжелые двери, словно все находящи-

еся в синагоге духи выскочили посмотреть, что же произошло.

Сон не шел. Светало, а прокурор Теодор Шацкий всю ночь так и не сомкнул глаз. Хуже того, эта маленькая нимфоманка тоже не спала. Уж лучше почитать, чем так лежать и делать вид, будто спишь. Защекотало за ухом.

– Спишь?

Он пробурчал что-то невнятное, лишь бы отстала.

– А я не сплю.

Пришлось напрячься, чтобы громко не вздохнуть. Он лежал настороженно в ожидании дальнейшего. А то, что оно произойдет, сомнений не оставалось. Горячее тело за его спиной заерзало, замурлыкало – ни дать ни взять персонаж из мультика, которому как раз пришел в голову план овладения миром. А потом он почувствовал болезненный укус в лопатку. Вскочил, в последнюю секунду проглотив непристойность.

– Спятила, что ли?!

Девушка оперлась на локоть и бросила ему кокетливый взгляд.

– Ага. Знаешь, я, наверно, чокнутая, мне пришло в голову, а может, ты еще раз сделаешь мне кайф. О Джизас, нет, я все-таки ненормальная.

Шацкий поднял руки – пощади, мол! – и выскочил на кухню закурить. Он был уже возле раковины, когда долетело

ее игривое: «Я жду-у!» Жди-жди, пробурчал он, натягивая толстовку. Закурил, включил чайник. За окном темно-серые крыши выделялись на фоне сероватых лугов, оттененных от бледного, размытого и еще не проступившего сквозь туман Подкарпатья матовой лентой Вислы. По мосту проехала машина – два перемещающихся во мгле конуса света. Всё в этой картине, включая и белую оконную раму с шелушащейся краской, и отражение бледного лица Шацкого с седой шевелюрой, и черную толстовку, – всё было одноцветным.

Чертова дыра, подумал Шацкий, затянувшись сигаретой, – красный огонек нарушил однотонность мира. Что за чертова дыра, где он торчал вот уже несколько месяцев! А спроси его, как до такого дошло, он бы беспомощно развел руками.

Вначале было Дело. Оно ведь у него бывает всегда. Это же оказалось неблагодарным, безнадежным. Началось с убийства украинской проститутки в борделе на Кручей, метрах в ста от его прокуратуры. В подобных случаях обнаружение трупа равносильно закрытию дела – сутенеры и шлюхи тотчас же испаряются, свидетелей по понятным причинам разыскать невозможно, а те, что сами объявляются, ничего не помнят. Хорошо, если удастся опознать жертву.

На сей раз получилось иначе. Появилась подружка убитой, тело обзавелось именем Ирина, у сутенера на фотороботе оказалась вполне симпатичная вывеска, а в прокуратуру Свентокшиского воеводства дело было передано, когда уже

набрало обороты.

Две недели ездил Шацкий вместе с Ольгой, переводчиком и проводником по окрестностям Сандомежа и Тарнобжега, чтобы найти то место, где содержали девушек с Востока по приезду в Польшу. Ольга рассказывала им, что видела из окон дома или машины, переводчик переводил, а проводник прикидывал, где бы это могло быть, пересыпая свои догадки шутками-прибаутками, что доводило Шацкого до белого каления. За рулем сидел здешний полицейский, всем своим видом намекая, что время его тратится впустую – ведь он же сразу сказал, что единственный притон в Сандомеже, а вместе с ним и пани Касю, и пани Беату, которые подрабатывали телом после работы в магазине и детском саду, ликвидировали прошлым летом. А тут остались только потаскушки из пищевого техникума. В Тарнобжеге или в Кельцах – там другое дело!

Но в конце концов они нашли этот дом – где-то на отшибе, в промышленном районе Сандомежа. В приспособленной под спальню теплице загибалась от желудочного гриппа миниатюрная блондинка из Белоруссии. И больше никого. «Поехали на рынок, а как вернутся, прибьют меня», – твердила блондинка. Девичий страх передался всем приехавшим, только не Шацкому. Зато слово «рынок» дало ему пищу для размышлений. Спальня в теплице была отнюдь не маленькой, к тому же на участке стояли большой дом, мастерская и склад. Шацкий мысленно представил себе Сандо-

меж на карте Польши. Городок с двумя проститутками-шмакодявками. Костелов – хоть пруд пруди. Тихо, сонно, ничего не происходит. До Украины рукой подать. И до Белоруссии недалеко. Двести километров до столицы, еще меньше до Лодзи и Кракова. В общем, недурственное место для перевалочного пункта и торговли живым товаром. Рынок.

Был торговый день. Да еще какой! Большой базар – а по сути, биржа всего, чего душа пожелает, – расположился между Старым городом и Вислой, прямо у кольцевой дороги. Он спросил полицейского, что там происходит. Всё, что угодно, ответил тот, но русаки сводят счета только меж собой, вмешасься – статистику попортишь, ничего больше. Иногда загребут какого-нибудь подростка с левыми дисками или травкой, чтоб не говорили, что полиция не интересуется.

Прихватили с собой едва стоящую на ногах девулю, поехали и нашли. Два больших фургона между палатками с женской одеждой, якобы со шмотками, а на самом деле с двадцатью связанными девицами, что приехали в лучший мир. Это был самый большой успех сандомежской полиции с того момента, как отыскала она угнанный велосипед отца Матеуша¹⁵. Местные газеты целый месяц ни о чем другом не писали, а Шацкий на какое-то время стал здесь знаменит. Осень была чудесна.

И ему здесь понравилось.

И пришло в голову: а может?..

¹⁵ «Отец Матеуш» – польский сериал (2008 г.), снимался в Сандомеже.

Пили в пиццерии «Модена», неподалеку от местной прокуратуры, он уже малость опьянел и ради хохмы спросил, нет ли у них вакансии. Есть. Такое тут случается раз в двадцать лет, но как раз сейчас она была.

Он собирался начать новую прекрасную жизнь. Приударять за девушками в клубах, по утрам бегать вдоль набережной Вислы, вдыхать свежий воздух, с головой уйти в любовные похождения, чтоб в один прекрасный день отыскать настоящую любовь и состариться вместе с нею в поросшем виноградом домике где-нибудь поблизости от парка Пиццеле. Чтоб было рукой подать до Рыночной площади, где в «Малютке» или «Кордегардии» выпить чашечку кофе. Когда он сюда переезжал, картина представлялась настолько живой, что даже трудно было назвать ее планом или мечтами. Она завладела его жизнью и начала воплощаться в действительность. Он хорошо помнил тот момент, когда на замковой скамейке грелся в лучах осеннего солнца, и тогда-то будущее предстало пред ним настолько ярко, что на глаза навернулись слезы. Наконец-то! Наконец он точно знал, чего хочет.

Что ж, мягко говоря, ошибка вышла. Говоря же грубо, ради бредовой мечты он утопил в дерьме всю свою жизнь, которую выстраивал столько лет, и теперь оказался при пиковом интересе, потеряв абсолютно и решительно всё, так что это похоже было на своего рода самоочищение.

Когда-то он считался знаменитостью в столичной прокуратуре – теперь стал внушающим подозрение чужаком в про-

винциальном городке, который после шести вечера кажется вымершим, но не потому, что жители поубивали друг друга. Они не убивали в принципе. Даже не пытались. И не насиловали, не организовывали преступных банд. Лишь изредка устраивали драки. Когда Шацкий мысленно припомнил себе дела, которыми он занимается сейчас, его даже слегка за-тошнило. Такого в Варшаве ждать не приходилось.

Когда-то была семья – теперь пришло сиротство. Когда-то была любовь – теперь одиночество. Когда-то была близость – теперь разобщенность. Кризис, разразившийся из-за какой-то жалкой, мимолетной и никого не удовлетворявшей интрижки с журналисткой Моникой Гжелкой, столкнул его супружество в пропасть, из которой им было не суждено вы-карабкаться. Они еще некоторое время жили вместе, якобы из-за ребенка, но за этим уже крылась трусливая агония. Он всегда считал, что заслуживает большего, а Вероника тянет его вниз. Но не прошло и полгода с тех пор, как они оконча-тельно расстались, а она уже стала встречаться с преуспева-ющим адвокатом, на год моложе себя. Недавно она лаконич-но оповестила Шацкого, что решила жить вместе с Томашом в его варшавском доме, а Теодору бы не мешало встретиться и поговорить с тем, кто теперь будет воспитывать его дочь.

Если разобраться, он проиграл все, что только можно. То, что он позвонил Кларе, которую месяц назад закадрил в клу-бе, а через три дня отшил, ибо при дневном свете она не по-казалась ему ни красивой, ни умной, ни интересной, было

актом отчаяния и окончательным доказательством его падения.

Он потушил сигарету и вернулся в одноцветный мир. Но только на секунду, ибо тут же на его толстовке проступили длиннющие кроваво-красные ноготки. Он прикрыл глаза, чтобы спрятать раздражение, но грубо оттолкнуть девушку не осмелился – как-никак сначала обольстил ее, а теперь еще и вселил пустую надежду: мол, между ними еще не всё потеряно.

Он послушно поплелся в постель на скучноватый секс. Клара извивалась под ним, как бы восполняя недостаток нежности и фантазии. Взглянув на него, она, видимо, уловила в его лице нечто, что заставило ее постараться чуть больше. Она содрогнулась и застонала.

– Улетаю! Улетаю! О Боже!

Сдержаться не было сил – прокурор Теодор Шацкий покатился со смеху.

Ни один труп не выглядит привлекательно, но бывают такие – хуже не придумаешь. Обнаруженная во рву у городских стен Сандомежа покойница принадлежала к их разряду. Полицейский уже собирался прикрыть обнаженное тело, когда на месте преступления появилась пани прокурор.

– Подожди, не закрывай.

Полицейский поднял голову.

– Иди к черту. Я знал ее с детства, ее нельзя так оставлять.

– Я ее, Петр, тоже знала. Сейчас это не имеет значения.

Прокурор Барбара Соберай осторожно раздвинула еще безлистные ветки и присела на корточки возле тела. Слезы размыли картину. Ей не раз приходилось видеть трупы, чаще всего извлеченные из разбитых автомобилей вблизи окружающей, а некоторых она при жизни знала в лицо. Но чтобы мертвой оказалась знакомая, а тем более давнишняя подруга?! Ей ли не знать, что люди совершают преступления и что можно стать их жертвой. Но увиденное не укладывалось в голове.

Она откашлялась, пытаясь прочистить горло.

– Гжесек уже знает?

– Я думал, ты сама ему скажешь. Ты ведь...

Барбара взглянула на него и уже хотела разрыдаться, но вовремя осознала, что Маршал – таким прозвищем полицей-

ского наградили в Сандомеже – прав. Долгие годы она была подругой счастливого семейства Эльжбеты и Гжегожа Будников. Когда-то даже ходили толки, мол, не вернись Эля в свое время из Кракова, кто знает, чем бы всё закончилось. Что ж, толки и старые истории... но ведь и в самом деле, если кому-то полагалось поставить Гжесека в известность, то только ей. К сожалению.

Она тяжело вздохнула. Несчастливым случаем тут не пахло. Вряд ли на Эльжбету напал какой-нибудь пьяный скот, избил или изнасиловал. Кому-то пришлось немало потрудиться, чтоб ее убить, потом догола раздеть и оставить в кустах. Да еще это... Барбара старалась не смотреть в ту сторону, но взгляд все время возвращался к обезображенному горлу покойницы. Располосанное поперек в нескольких местах оно напоминало жабры с узкими полосками кожи, меж ними виднелись сосуды, гортань и пищевод. Но выше страшной раны лицо было на удивление спокойным, даже слегка улыбалось и в сочетании с необычной гипсовой белизной кожи казалось чем-то нереальным, напоминающим посмертную маску. Не исключено, что Эльжбету убили во сне, подумалось Барбаре, или когда она лишилась чувств. Хотелось бы верить.

Подошел Маршал, положил ей руку на плечо.

– Сочувствую, Бася.

Она дала знак, чтобы прикрыли тело.

Такие захолустные дыры имеют свои сильные стороны – до любого места рукой подать. Едва позвонила начальница, как Шацкий, не мешкая, с облегчением оставил Клару в своей съемной *кавалерке*¹⁶ на Длугоша. Маленькая, страшненькая, запущенная, у нее было только одно преимущество – положение: в Старом городе, с видом на Вислу и старую-престарую среднюю школу, которую возвели иезуиты еще в XVII веке. Он вышел из дому и, оскальзываясь на влажной брусчатке, быстрым шагом добрался до Рыночной площади. Воздух был еще по-зимнему бодрящим, но угадывалось, что через считанные минуты все изменится. Туман редел с каждым шагом, и Шацкому хотелось надеяться, что сегодняшний день станет первым настоящим весенним днем. Как же ему не хватало чего-нибудь позитивного! К примеру, чтоб грело солнце.

Он пересек совершенно пустую Рыночную площадь, миновал почту, расположенную в изумительной красоты доме с аркадами, и, приближаясь к Еврейской, издалека завидел проблески красноватых огоньков. Вид полицейских маячков в рассветном тумане задел в нем самую чувствительную струну – для него это была часть ритуала. Утренний теле-

¹⁶ *Кавалерка* – жилое помещение гостиничного типа (без кухни). Предназначается для холостяков. Дословный перевод с французского слова «гарсоньерка».

фонный звонок, он высвобождается из нежных объятий Вероники, одевается в темной прихожей, а перед уходом целует в теплый лобик спящего ребенка. Потом едет через всю пробуждающуюся к жизни столицу: гаснут фонари, ночные автобусы съезжаются в депо. На месте преступления скептическая ухмылка Кузнецова¹⁷; потом труп, позже – кофе на площади Трех Крестов. А немного погода пререкания с кудахтающей начальницей в прокуратуре: «Видимо, наши кабинеты находятся в разных пространственно-временных измерениях, пан прокурор Шацкий».

На сердце заскребли кошки. Он миновал здание синагоги и, цепляясь за ветки, стал спускаться по откосу. Рыженькую гриву недотроги Соберай он узнал сразу. Она стояла с опущенной головой – можно подумать, что пришла сюда не заниматься следствием, а прочесть отходную. Разделяя ее горе, на плечо пани прокурору положил руку толстяк-полицейский. Шацкий и раньше догадывался, что город, в котором костелов больше, чем кафе, должен непременно оставить болезненный отпечаток на психике жителей. Сейчас он такое и наблюдал. Соберай обернулась, сильно удивившись его приходу. Она была явно недовольна.

Он кивнул присутствующим, подошел к телу и бесцеремонно приподнял прикрывающий его полиэтилен. Женщи-

¹⁷ *Олег Кузнецов* – персонаж предыдущей книги 3. Милошевского «Повязанные», полицейский, выходец из России, весельчак и балагур, с которым Шацкий провел не одно следствие.

на. Лет сорока–пятидесяти. Изуродованное горло, иных повреждений не видно. Не похоже на нападение, скорее какое-то странное убийство в состоянии аффекта. Но в общем труп как труп. Он хотел было вновь прикрыть тело, но что-то не давало ему покоя. Осмотрел еще раз и еще, с головы до пят, взглядом сфотографировал место преступления. Что-то было не так, что-то решительно было не так, а он не имел понятия, в чем дело, и это не давало ему покоя. Он откинул пленку, кто-то из полицейских пристыженно отвел взгляд. Непрофессионалы.

Он уже знал, что тут было не так. Белизна. Неестественная белизна тела, какой в природе не встретишь. И что-то еще.

– Прощу прощения, но это моя знакомая, – отозвалась за его спиной Соберай.

– Это была ваша знакомая, – буркнул Шацкий. – Где криминалисты?

Молчание. Он обернулся и взглянул на толстяка-полицейского – лысого, с пышными усами. Как его тут бишь величают? Маршал? Очень оригинально.

– Где криминалисты? – переспросил он.

– Сейчас подойдет Марыся.

Все здесь называли друг друга по имени. Все они тут друзья, черт бы их побрал, секта местечковая.

– Вызовите группу из Кельц, пусть захватят с собой все свое хозяйство. А пока – тело прикрыть, территорию в радиусе пятидесяти метров огородить, никого не подпускать.

Ротозеев держать как можно дальше. Оперативник уже при-
был?

Глядя на Шацкого как на пришельца и вопросительно на
Соберай – та стояла потрясенная, – Маршал поднял руку.

– Ладно, с этим закончили. Теперь так: я знаю, что туман,
темно и ни хрена не видно. Но всех проживающих в этих
домах, – он показал рукой на дома на Еврейской, – и в тех
домах, – он повернулся и показал на виллы по другую сто-
рону рва, – допросить. А вдруг кто-то страдает бессонницей,
или мается простатой, или, как ненормальная домохозяйка,
перед выходом на работу варит рассольник-свекольник. Нас
интересует тот, кто что-то видел. Ясно?

Маршал закивал головой. Тем временем к Соберай вер-
нулась уверенность, она подошла и встала так близко, что
он почувствовал ее дыхание. Была она женщина высокая, их
глаза оказались почти на одном уровне. «На деревне девки
статны», – подумал Шацкий, преспокойно ожидая, что будет
далее.

– Извините, так это вы теперь ведете следствие?

– Ну.

– А можно узнать, с какой это радости?

– Попробую угадать. Возможно, потому, что речь идет не
о пьяном велосипедисте и не о краже мобильного в школе?

Темные глаза Соберай почернели.

– Иду к Мисе, – прошипела она.

Чтоб не рассмеяться, Шацкому пришлось напрячь все си-

лы. Боже, они и вправду называли свою начальницу Мисей.
– Чем быстрее, тем лучше. Кстати, это она вытащила меня из постели, где я неплохо проводил время, и велела заняться делом.

Казалось, Соберай вот-вот вспылит, но она резко развернулась и отошла прочь, покачивая бедрами. Узкими и малопривлекательными, оценил Шацкий, провожая ее взглядом. Он повернулся к Маршалу.

– Кто-нибудь из следственного прибудет? Или они начинают работу в десять?

– Я здесь, сынок, – донеслось сзади.

За его спиной на раскладном стульчике для рыбаков-спортсмена примостился усатый дед – здесь они почти все носили усы – и дымил сигаретой без фильтра. Не первый. По одну сторону стульчика лежало несколько оторванных фильтров, по другую – несколько бычков. Шацкий виду не подал, что удивлен, и подошел к старику. У того были совершенно седые, коротко стриженные волосы, изборожденное морщинами, как на автопортрете Леонардо, лицо и светлые, водянистые глаза. Зато хорошо ухоженные усы были иссиня-черными, что придавало ему демонический, настораживающий вид. Старику было под семьдесят. Если меньше, значит, жизнь его оказалась богатой катаклизмами. Дед взирал на него со скучающей миной, Шацкий протянул руку.

– Теодор Шацкий.

Старый полицейский потянул носом, отложил чинарик и,

не вставая, подал руку.

– Леон.

Он задержал руку Шацкого в своей и, воспользовавшись помощью, встал. Был он высок, худощав и без толстой куртки и шарфа выглядел бы, наверно, как стручок ванили – тонкий, согнутый и морщинистый. Шацкий отпустил руку деда и ждал продолжения. Но его не последовало. Старик взглянул на Маршала, и тот подскочил к нему, словно был на резиночке.

– Слушаю вас, пан инспектор?

Ошибка какая-то. Слишком высокий чин для провинциального оперативника.

– Выполняйте всё, как велел прокурор. Кельцы будут здесь через двадцать минут.

– Но это ведь почти сто километров, – возразил Шацкий.

– Я их вызвал час назад, – пробормотал дед. – А потом ждал, когда дамы и господа прокуроры изволят пожаловать. Хорошо, хоть стульчик с собой прихватил. Кофе?

– Не понял?

– Кофе пьете? «Башмачок» открывают в семь.

– Лишь бы там ничего не брать на зуб.

Дед кивнул с уважением.

– Молодой, приезжий, а учится быстро. Тогда пойдемте, хотелось бы вернуться, прежде чем подъедут ребятишки из Кельц.

Ресторанный зал в гостинице «Под башмачком», расположенной в самом привлекательном для туристов месте – на Рыночной площади, по пути к кафедральному собору и замку, – выглядел так, будто время остановилось здесь лет десять назад. Большое неуютное пространство, накрытые скатертью, а сверху еще и салфеткой столы, обитые плюшем стулья с высокими спинками, на стенах бра, под балочным потолком люстры. Чтобы добраться до их столика, цокающей каблучками официантке пришлось отмахать такое расстояние, что Шацкий был уверен: кофе по дороге остынет.

Но не остыл, зато чувствовалась в нем едва уловимая нотка грязной тряпки – видно, что в этом храме сандомежского общепита эспрессо-автомат в списке предметов ежедневного мытья значился далеко не на первом месте. Нашел чему удивляться, подумал Теодор Шацкий.

Инспектор Леон молча пил кофе, уставившись в окно на аттик ратуши, – Шацкого могло тут вообще не быть. Решив приноровиться к деду, он терпеливо ждал, когда наконец услышит, зачем его сюда позвали. Наконец Леон отставил чашку, кашлянул и, оторвав от сигареты фильтр, тяжело вздохнул.

– Я вам помогу. – У него был неприятный, скрипучий голос.

Шацкий вопросительно взглянул на него.

– Вы, кроме Варшавы, где-нибудь жили?

– Только сейчас.

– В таком случае ни хрена-то вы о жизни не знаете.

Шацкий промолчал.

– Но это не грех. Каждый ребенок ни хрена о жизни не знает. Но я вам помогу.

В Шацком нарастало раздражение.

– А помощь эта входит в круг ваших обязанностей или имеется в виду нечто дополнительное? Мы ведь пока незнакомы, и мне трудно оценить степень вашего благородства.

Только теперь Леон внимательно взглянул на прокурора.

– Серединка на половинку, – ответил тот без улыбки. – Но мне просто интересно, кто же зарезал и подкинул в кусты жену этого паяца Будника. Интуиция подсказывает, что вам это дело окажется под силу. Однако вы нездешний. С вами каждый будет разговаривать, но никто ничего не скажет. На мой взгляд, так оно и лучше, чем меньше информации, тем в голове чище.

– Чем больше информации, тем ближе к правде, – ввернул Шацкий.

– Знаете, как оно бывает с правдой: если ее избыток плавает в дерьме, она от этого не становится правдивее, – заскрипел инспектор. – И не прерывайте меня, молодой человек. Иногда вам захочется понять, кто с кем и почему. Вот тут-то я вам и сгожусь.

– Вы, что же, со всеми дружите?

– Я плохо схожусь с людьми. И перестаньте задавать вопросы, которые не имеют никакого значения, иначе я изменю о вас мнение.

У Шацкого была на уме парочка-другая важных вопросов, но он оставил их на потом.

– И я бы предпочел, чтобы мы остались при вежливой форме обращения, – закончил полицейский.

Шацкий не подал виду, насколько это предложение ему по душе. Он просто кивнул.

Ротозеев становилось все больше и больше, хорошо хоть держались прилично. Из приглушенных разговоров Шацкий уловил фамилию Будник – а возможно, Будникова. На минутку задумался, стоит ли ему первым делом разузнать, кем была жертва. Решил, что не стоит. Сейчас ему нужен тщательный осмотр места преступления и тела. Остальное подождет.

Вместе с инспектором, у которого тем временем появилась фамилия Вильчур, они стояли возле отгороженного ширмой тела, а келецкий криминалист делал снимки. Шацкий всматривался в педантично располосованное горло, выглядевшее так, будто его подготовили для урока анатомии. Что здесь не так? Конечно, он найдет его, но хотелось бы уже сейчас, прежде чем начнутся допросы свидетелей и поиск экспертов. Подошел шеф группы осмотра места преступления, симпатичный тридцатилетний парень с глазами навыкате и повадками дзюдоиста. Представившись, вперил в Шацкого рыбий взгляд.

– И откуда ж вас занесло в наши края, пан прокурор? Просто любопытно, – поинтересовался он.

– Из столицы.

– Неужто из самой *Варшавки*¹⁸? – Он даже не пытался

¹⁸ *Варшавкой* называют снобистскую, гламурную часть столичного общества.

скрыть удивления, будто следующий вопрос подразумевался: а за что выперли-то? За пьянство, наркотики или всякие там шуры-муры?

– Как я и сказал: из столицы. – Шацкий не любил слово «варшавка».

– Провинились или как-то так вышло?

– Как-то так.

– Ага, – полицейский еще с минуту подождал продолжения задушевного разговора, но потом отступился. – Кроме тела, ничего не найдено, никакой там одежды, сумочки или украшений. Следов, что ее волокли, нет, следов борьбы – тоже. Верней всего, ее сюда принесли. Мы сделали слепки отпечатков автомобильных шин внизу оврага и ботинка – они были свежими. Всё найдете в протоколе, но на многое я бы не рассчитывал, разве что осмотр тела даст больше.

Шацкий кивнул. Нельзя сказать, что его это особо огорчило. Во всех своих делах он опирался на показания, а не на собранные вещественные доказательства. Понятное дело, было бы недурственно найти в кустах орудие преступления и паспорт убийцы, но он для себя уже давно выяснил, что слово «недурственно» и его жизнь никак не стыкуются.

– Пан комиссар! – крикнул один из криминалистов, прочесывающих кусты на откосе.

Дзюдоист дал знать, чтобы его подождали, и поспешил к развалинам городской стены. Некогда она защищала город, в настоящее же время служила в основном для распития под

своей сенью традиционного польского напитка. Шацкий отправился вслед за комиссаром, а тот, присев под стеной на корточки, уже раздвигал еще голые ветки и прошлогоднюю траву. Вдруг рука его, обтянутая латексной перчаткой, стала что-то осторожно вытаскивать. Солнце как раз пробилось сквозь тучи и полыхнуло на этом предмете так ярко, что Шацкого на мгновение ослепило. Он сморгнул, чтобы разогнать черных мушек перед глазами, и теперь мог разглядеть в руках у комиссара довольно странный нож. Дзюдоист осторожно опустил его в герметичный пакет для вещественных доказательств и протянул Шацкому. Однако орудие было, по всей вероятности, чертовски острым, ибо пакет под его тяжестью прорвался, и оно упало на землю. То есть упало бы, если б не техник – тот все еще сидел на корточках и поймал его в самый последний момент за рукоять. Поймал и взглянул на присутствующих.

– Так и без пальцев можно остаться, – хладнокровно заметил Дзюдоист.

– И заляпать своей кровью орудие преступления. Кре-тин, – флегматично отозвался Вильчур.

Шацкий взглянул на старого полицейского.

– Откуда вы взяли, что это орудие преступления?

– Предполагаю. Если под одним кустом мы находим ровнехонько располосованное горло, а под другим – острую, как самурайский меч, бритву, следовательно, между ними возможна какая-то связь.

«Бритва» – очень хорошее название для ножа, который Дзюдоист опускал во второй пакет, на сей раз осторожнее. У него был прямоугольный, блестящий как зеркало клинок с абсолютно прямым лезвием. Рукоять из темной древесины казалась слишком изящной и маленькой по сравнению с клинком – тот был внушительных размеров: длиной сантиметров тридцать, а шириной – десять. Настоящая бритва для какого-нибудь великана, у которого ряшка с фургон. На клинке и на рукояти никаких украшений, по крайней мере на первый взгляд. Это не походило на игрушку коллекционера, это было орудием – возможно, преступления, но прежде всего орудием специального назначения. Явно не для бритья женских ног.

– Дактилоскопия, микроследы, кровь, выделения, ДНК, химия, – перечислял Шацкий. – И как можно быстрее. А на сегодня мне бы хотелось иметь снимки этой штуковины во всех ракурсах.

Он вручил Дзюдоисту свою визитную карточку. Тот спрятал ее в карман, подозрительно глядя на огромную бритву.

Вильчур оторвал фильтр от очередной сигареты.

– Не нравится мне это, – отозвался он. – Уж больно как-то надуманно.

Прокурору Теодору Шацкому не везло с начальницами. Предыдущая технократка-мегера была холодна и привлекательна, как выкопанный из-под снега труп. Не раз сидя у нее в кабинете, вдыхая дым ее сигарет и изнывая от ее кокетства (это при абсолютном-то отсутствии женственности), он задавался вопросом: неужто бывает хуже? Вскоре злорадная судьба удовлетворила его любопытство.

– Не стесняйтесь, угощайтесь. – Мария Мищик, которую, к ужасу Шацкого, все, в том числе и она сама, называли Мисей, пододвинула ему торт чуть ли не под самый нос. Состоял он из шоколадно-вафельных слоев, бисквита и, кажется, безе.

Начальница послала ему лучезарную улыбку.

– А под безе я подпустила тонюсенький слой сливового повидла. У меня еще с прошлого года осталось. Угощайтесь.

Шацкому кусок в горло не шел, но умильное выражение глаз Мищик было под стать взгляду кобры. Подчиняясь воле начальницы, рука, будто чужая, потянулась к торту, взяла кусочек и положила Шацкому в рот. Он криво осклабился, крошки посыпались на костюм.

– Ну хорошо, Бася, так скажи нам, в чем дело, – изрекла Мищик, отодвигая блюдо в сторону.

Соберай сидела на кожаной софе (польская мода восьми-

десятих годов), от примостившегося в кресле Шацкого ее отделял стеклянный столик. Если Мищик хотела создать в своем кабинете домашнюю обстановку по образцу и подобию типичной мебелировки польских квартир, успеха она, несомненно, добилась.

– Я бы хотела понять, – Соберай не могла, а возможно, и не старалась скрыть обиду в голосе, – почему в течение семи лет я самостоятельно вела расследования в нашей прокуратуре, а сейчас меня отставляют от убийства Эли. И я бы хотела знать, почему этим расследованием должен заниматься Теодор: не собираюсь отрицать его успехов, но он ведь еще не знает специфики нашего города. И не скрою, что мне было больно узнать об этом именно таким образом. Ты бы могла меня предупредить, Мися.

Лицо Мищик сделалось по-матерински озабоченным. От нее исходило столько тепла и понимания, что Шацкий ощутил запах детсадовской столовой. Беспокоиться нечего, воспитательница наверняка найдет выход из затруднительного положения, и никому не станет обидно. А потом она их обнимет и прижмет к своей груди.

– Знаю, Бася, извини. Но когда я узнала об Эле, надо было действовать быстро. В нормальной ситуации подобное дело ждало бы тебя. Но эта ситуация ненормальная. Эля – твоя близкая подруга, Гжегож был с тобой связан. Ты дружила с ними, встречалась. Любой адвокат мог бы это использовать против нас.

Соберай прикусила губу.

– Ко всему прочему, эмоции не помогают в следствии, – добил ее Шацкий, взяв второй кусок торта и улыбнувшись в ответ на ее убийственный взгляд.

– Хрен вам что известно о моих эмоциях.

– Благословенно неведение.

Мищик хлопнула в ладоши и взглянула на них так, словно хотела сказать: «А ну-ка, дети, прекратите». Шацкий решил не опускать взгляда и выдержал упрек мягких, умильных материнских глаз.

– Дорогие мои, грызней займетесь потом. А сейчас я вам скажу...

Соберай вздрогнула и застрекотала. Сколько таких вот невротичных красоток видел Шацкий в своей жизни? Легион.

– Надеюсь, что...

– Бася, – оборвала ее Мищик. – Я не прочь выслушать твое мнение и твои пожелания. Ты ведь знаешь, я всегда охотно тебя выслушиваю, так ведь? А сейчас я скажу, как выглядит ситуация в профессиональном плане.

Соберай тут же прикусила язычок, а Шацкий внимательно взглянул на Мищик. Она все еще была мамочкой с мягким выражением глаз и улыбкой детского врача, мамочкой, от которой исходил аромат ванили и разрыхлителя теста. Но если не обращать внимания на форму ее последнего высказывания, получалось, что начальница решительно поставила

на место свою подчиненную и приятельницу.

Мищик долила всем чаю.

– Как и все вы, я знала Элю Будник, знаю также Гжесека. Нам необязательно его любить или разделять его мнение, но без него здесь не обойдется. Дело будет большим и громким, оно уже такое. И положение, когда ведет это дело подруга жертвы...

– И главного подозреваемого, – ввернул Шацкий.

Соберай фыркнула.

– Выбирайте слова. Вы этого человека не знаете.

– А мне и не нужно знать. Он – муж жертвы, и на начальном этапе сам этот факт уже делает его главным подозреваемым.

– Вот-вот. – Соберай триумфально вскинула руки. – Именно поэтому Шацкому надо держаться от этого дела подальше.

Мищик подождала, пока вновь не воцарится тишина.

– Именно поэтому прокурор Шацкий не только не будет держаться в стороне от этого дела, он будет вести расследование. Я хочу избежать ситуации, когда труп, подозреваемые и следователь – все из одной теплой компании, которая не далее как вчера договаривалась устроить гриль. Но ты, Бася, права, пан Теодор тут человек новый. Поэтому ты поможешь ему советом и всяческой информацией о городе и его жителях.

Шацкий с облегчением вздохнул – удалось проглотить

большой кусок торта. Кого-то ждет забойное развлечение, решил он. Соберай, надувшись, неподвижно сидела на софе. Мищик материнским взглядом окинула стол и развернула торт на сто восемьдесят градусов.

– С этой стороны больше повидла, – театрально прошептала она и положила себе кусочек.

Шацкий выждал некоторое время и, решив, что аудиенция подошла к концу, встал. Мищик сделала ему знак рукой – мол, дайте проглотить, скажу еще что-то.

– Встречаемся здесь в девятнадцать. Я хочу взглянуть на первые протоколы и подробный план следствия. Всех газетчиков отсылайте ко мне. Если я сочту, что взаимная неприязнь становится для вас помехой в следствии...

Соберай и Шацкий впились глазами в пухлые, облепленные крошками торта губы начальницы, а она ими тепло улыбалась.

– ...устрою вам такое – век не забудете. А из доступного для вас трудоустройства в госучреждениях останется лишь мытье полов в кутузке. Ясно?

Шацкий кивнул, поклонился обеим дамам и взялся за дверную ручку.

– Насколько я понимаю, мне надо кому-то передать свои остальные дела.

Мищик расплылась в улыбке. Он понял, что сморозил глупость. Просто оскорбил ее, думая, что она этого не учла. Наверняка все уже устроено, а секретарша выносит из его

кабинета ненужные папки.

– Вы, кажется, спятили. За работу.

Стоя в своем кабинете у окна, прокурор Теодор Шацкий размышлял: а ведь у провинции есть и хорошие стороны. У него, к примеру, появился просторный личный кабинет, из такого в Варшаве выкроили бы три комнатки и в каждую втиснули по два человека. Из окна простирался вид на зелень, виллы, башни Старого города вдали. С работы до дома – минут двадцать пешком. Несгораемый шкаф, а в нем папки со всеми восьмью текущими делами – ровно на девяносто семь меньше, чем в Варшаве полгода назад. Зарплата – та же, что и в столице, а превосходный кофе в любимой кофейне на Сокольницкого стоит всего пять злотых. Ну и наконец – хоть и стыдно, но скрыть удовлетворения он не мог, – у него появился приличный труп. И вот, как по мановению волшебного жезла, эта кошмарная сонная дыра стала вполне сносным жизненным пространством.

Хлопнула дверь. Шацкий обернулся и присовокупил к сильным сторонам провинции еще и партнершу, которая из своего предменструального синдрома сделала способ существования. Он непроизвольно напустил на себя холодную профессионально-прокурорскую серьезность, наблюдая за тем, как недотрога Соберай подходит к нему с папочкой в руке.

– Вот. Как раз пришло. Надо просмотреть.

Шацкий жестом указал ей на диван (да-да, у него в кабинете стоял диван!), и они уселись рядышком. Он вскинул глаза на ее грудь, на то место, где должно быть декольте, но ничего интересного там не обнаружил – место было наглухо задраено асексуальной черной водолазкой. Он открыл папку. Первый снимок представлял собой крупный план изуверченного горла жертвы. Соберай громко вздохнула и отвернулась, а Шацкий хотел уже было отпустить колкость, но ему стало ее жалко, и он оставил злопыхательство при себе. Разве ж они виноваты, что все, вместе взятые, за всю свою жизнь видели столько же трупов, сколько он в течение одного года.

Шацкий отложил снимки в сторону.

– Надо подождать до осмотра тела. Пойдете со мной на Очко¹⁹?

Она непонимающе взглянула на него.

– Извините. В больницу. На вскрытие.

В ее глазах блеснул испуг, но она быстро взяла себя в руки.

– Кажется, мы должны быть там оба.

Шацкий поддакнул и разложил на столе несколько снимков бритвы. Судя по находящейся под ней линейке, орудие имело сантиметров сорок – а то и больше – в длину, причем само лезвие – около тридцати. Рукоять из темной древесины, на латунной оправе что-то выгравировано. Шацкий поискал

¹⁹ На улице Очко в Варшаве находится больница с отделением патологоанатомии. В предыдущей книге («Повязанные») прокурор Теодор Шацкий частенько присутствовал там при вскрытии.

фотографии с крупным планом. Потертая надпись гласила: C. RUNEWALD. На одной из таких фотографий он разглядел отражающуюся в зеркальной поверхности клинка руку женщины-фотографа. Судя по обручальному кольцу, замужней. На голубоватой плоскости ножа не было ни пятен, ни царапин, ни зазубрин. Шедевр металлургического искусства – сомнений быть не могло. Причем шедевр старинный.

– Полагаете, это орудие преступления?

Шацкий полагал, что все эти формы вежливости его уже начинают сильно утомлять, а что будет дальше, в процессе расследования?!

– Полагаю, что все это довольно странно, театрально. Обнаженное тело с изуродованным горлом, брошенная рядом старинная бритва-мачете, никаких следов борьбы или хотя бы возни.

– И крови на лезвии.

– Дадим возможность высказаться лаборатории. Думаю, появится и кровь, и микроследы, и ДНК. И сам нож скажет нам больше, чем тот, кто его подбросил.

– Подбросил?

– Такой чистенький, холеный, девственный?! Нет, его подбросили специально. В каждом, даже самом грязном убийстве в состоянии аффекта любой бандюга не забудет прихватить с собой орудие преступления. Не верю, чтоб его забыли в кустах.

Соберай вынула из сумочки очки для чтения и принялась

внимательно рассматривать фотографии. Ей шла эта массивная коричневатая оправа. Шацкому пришло в голову: если бритва-мачете – сообщение, то нужно найти человека, который смог бы его прочесть. Что за эксперт, черт побери, этим занимается? По холодному оружию? По военному делу? По металлургии? По произведениям искусства?

Соберай вернула ему снимки и сняла очки.

– Надо поискать эксперта по холодному оружию, лучше всего среди музейных сотрудников. Может, кто-то знает эту фирму.

– Эс Рюнвальд? – спросил Шацкий.

Соберай расхохоталась.

– Грюнвальд! Время заказать себе очки, пан прокурор.

Шацкий решил не реагировать. Никаких улыбочек, никаких нервов, никакой ответной реплики.

– Время рассказать мне о жертве и ее семье.

Соберай скисла.

Прокурор Теодор Шацкий остался недоволен. Рассказ Соберай о семье Будников содержал в себе массу информации, но также и обилие чувств и переживаний. В результате Эльжбета Будник перестала быть для него жертвой противозаконного действия, за которое преступника следовало привлечь к ответственности и наказать, а муж жертвы – подозреваемым номер один. В красочном, эмоциональном рассказе Соберай супруги явились людьми из плоти и крови. Теперь, вопреки приобретенным навыкам, Шацкий, думая об убитой, видел усмешливую учительницу, ведущую уроки на лоне природы во время велосипедных экскурсий. Муж ее оказался не только кандидатом в каталажку, но также общественным деятелем, который умел до последнего сражаться за любое, пусть даже пустячное дело, если оно означало пользу для Сандомежа. Да найдется ли где угодно в Польше еще один беспартийный депутат, умеющий склонить местный совет к единогласному решению во благо своего города?! Все, хорош, basta! Ему не хотелось думать о Будниках до тех пор, пока он не поговорит со старым полицейским – тот уже дал понять, что не самого лучшего мнения об этих «праведниках».

Шацкий старался занять мысли поиском информации о таинственной бритве-мачете, и это стало еще одним поводом его недовольства. Теодор Шацкий, вообще говоря, не питал

доверия к людям. А к людям с хобби – особенно. Страсть и самопожертвование ради страсти, особенно собирательской, он считал болезнью, а людей, способных заикнуться на чем-то, – потенциально опасными. Он повидал на своем веку самоубийства из-за пропажи нумизматической коллекции, знал также двух жен, вина которых состояла в том, что одна из них порвала ценнейшую марку, другая же сожгла первое издание ивашкевичевских «Барышень из Вилько» и «Березняка». Обе отошли в иной мир. А мужа-убийцы всю ночь напролет провели с покойницами, рыдая и не понимая, как до этого могло дойти.

А мир ножей оказался как раз миром почитателей и коллекционеров этого холодного оружия; существовало даже периодическое издание «Лезвие», миссия которого, как убеждали авторы, состояла в том, чтобы «предоставить тебе, дорогой читатель, обширную информацию о ножах высокого качества и о том, что с ними связано. Вдобавок здесь ты найдешь любопытные детали. Например, в следующем номере разговор пойдет о плети. Казалось бы, экзотический предмет, а ведь плели ее в Польше с давних времен. Разумеется, появится также и серия статей о холодном оружии с длинным клинком».

Плети, сабли и мясницкие ножи – вот уж и впрямь симпатичненькое хобби, злился Шацкий, углубляясь в форумы, где велась дискуссия о клинках, рукоятях, способах заточки,ковки и нанесения уколов. Он читал откровения одно-

го писаки, который собственноручно изготавливал самурайские мечи, читал об «отце современного Дамаска», овладевшем технологией производства дамасской стали, рассматривал снимки военных кортиков, охотничьих ножей для разделки дичи, мечей, штыков, рапир и палашей. Он и не предполагал, что человечество изобрело такое количество видов острых предметов.

Но бритвы-мачете не нашел.

Отчаявшись, он щелкнул телефоном пару снимков предполагаемого орудия преступления и выслал в редакцию «Лезвия» мейл с вопросом, говорят ли им что-нибудь эти фотографии?

Весна как пришла, так и ушла, и вечером, шагая по Мицкевича в пиццерию «Модена», где он условился с Вильчуром, Теодор Шацкий продрог до костей. Старый полицейский и слышать не хотел, чтобы встретиться на Рыночной площади, он – по его выражению – не терпит этот зачуханный скансен²⁰, и Шацкий, который жил в Сандомеже уже достаточно долго, понял, что тот имел в виду.

Сандомеж, если разобраться, – это два, а то и три города. Третий – район стекольного завода по другую сторону реки – был памятью о тех временах, когда партийцы решили превратить мещанский религиозный город в промышленный центр и отгрохали там гигантский стеклозавод. Район понурый, страшноватый, пугающий своей бездействующей железнодорожной станцией, невзрачным костелом и огромной фабричной трубой, которая, когда ни посмотришь с высокого левого берега Вислы – днем ли, ночью ли, – портила панораму Подкарпатья.

Жизнь фактически протекала в городе номер два. Это был небольшой район, меньшую часть его (и слава Богу) занимали панельные дома, в основном же здесь находились односемейные домики, школы, парки, кладбище, воинская часть,

²⁰ *Скансен* – здесь: музей под открытым небом. Название произошло от этнографического комплекса в Стокгольме.

полиция и автовокзал, маленькие и большие магазины, библиотека. Эдакий типичный польский городок гминного значения, разве что более ухоженный и более привлекательный, ибо, в отличие от иных, был он расположен на холмах. Но на фоне польской глубинки остался бы неприметен, если б не город номер один.

А город номер один – это Сандомеж с почтовых открыток, это город отца Матеуша и Ярослава Ивашкевича, это расположенное на возвышенности чудо из чудес. Панорама города неизменно восхищала каждого, в нее-то в свое время и влюбился Шацкий. Он все еще приходил на мост только за тем, чтобы взглянуть на возвышающиеся на склоне дома, величественное здание Коллегии, на башни ратуши и кафедрального собора, на ренессансный щипец Опатовских ворот и громадину замка. Смотря по тому, какое было время года и дня, вид этот всякий раз представлялся иначе и всякий раз у него перехватывало дыхание.

Увы и ах, но Шацкий уже знал, что эта панорама напоминала нечто итальянско-тосканское только издали. Внутри же Старого города все было донельзя польским. Слишком далеко был Сандомеж от Кракова и в первую очередь от Варшавы, чтобы стать курортом типа Казимежа-Дольного. А заслуживал во сто крат больше, будучи городом красивым, а не деревней с тремя ренессансными домиками и дюжиной гостиниц, где в уик-энд любой польский начальник мог поразвлечься со своей милашкой. Находился он на отшибе, а

потому на очаровательных улочках старинного Сандомежа пахивало скукой, пустотой, польской безнадегой и «зачуханным скансеном». Уже после полудня исчезали школьные экскурсии, старые жильцы прятались по домам, потом закрывались немногочисленные магазины, а чуть позже – закусочные и бары. Случалось, что уже в шесть вечера Шацкий, идя от замка к Опатовским воротам, не встречал на улице ни единой живой души. Одно из красивейших мест в Польше было опустевшим, вымершим и удручающим.

Шацкий и вправду почувствовал себя лучше, когда спустился по улице Сокольницкого и вдоль Мицкевича зашагал к «Модене». Появились автомобили и люди, заполнились магазины, кто-то ел пончик, кто-то бежал к автобусу, кто-то кричал женщине на другой стороне улицы: «Сейчас-сейчас, минуточку». Шацкий с облегчением вздохнул – он боялся признаться самому себе, что очень тосковал по настоящему городу. В такой степени, что даже его подобие, каким был Сандомеж, заставляло сердце учащенно биться.

«Модена» была захолустной, шибяющей в нос пивом забегаловкой, но, чего греха таить, – здесь подавали самую вкусную в Сандомеже пищу; из-за аппетитной «романтики» с двойной порцией моцареллы холестерин Шацкого подскочил, и, поди, не один раз. Инспектор Леон Вильчур, как и положено городскому сыщику, сидел, прислонившись к стене, в самом темном углу. Без куртки он казался и вовсе тощим, и Шацкому вспомнился аттракцион «кривые зеркала»,

который он посещал в школьные годы. Кожа да кости.

Он молча сел напротив старого полицейского и стал перебирать в уме вопросы, которые хотелось задать.

– Догадываетесь, кто это сделал?

Вильчур взглядом одобрил вопрос.

– Ума не приложу. Не знаю никого, кому бы хотелось и кто бы извлек из этой смерти какую-то выгоду. Я бы грешил на кого-то из пришлых, но наверняка это дело местного. Не верю в чужаков, которые бы вот так постарались.

Сказанное, по сути, давало ответ на все ключевые вопросы Шацкого. Пора переходить к дополнительным.

– Пиво или водка?

– Вода.

Шацкий заказал воду, а себе – колу и «романтику». После чего стал вслушиваться в скрипящий голос Вильчура, составляя в уме протокол расхождений между рассказом старого полицейского и слащавой историей Соберай. Сухие факты были те же. Гжегож Будник был «всегда», то есть с 1990 года, сандомежским депутатом с несбывшимися надеждами на кресло бургомистра, а его покойница жена Эльжбета, моложе его на пятнадцать лет, учительница английского в престижном лицее, занимающем здание старой иезуитской Коллегии, вела для детей всевозможные художественные кружки и принимала участие во всех местных культурных мероприятиях. Жили они в доме на Кафедральной, в том, где, по рассказам, некогда квартировал Ивашкевич. Лю-

ди средних доходов, бездетные, стареющие общественники. Непричастные к политике. Но если приклеить им ярлыки, он – из-за своего прошлого в Национальном совете ПНР – был бы красным, а она – из-за участия во многих инициативах Католической церкви и едва заметного проявления веры – была бы черной.

«В каком-то смысле это символ нашего города, – рассказывала Соберай. – Люди с совершенно разными взглядами, с разной историей, теоретически с противоположных сторон баррикады. Но способные договориться, когда речь идет о благе Сандомежа».

– В каком-то смысле это символ нашей дыры, – объяснял Вильчур. – Сначала красные, а потом пришедшие им на смену черные хотели что-то доказать избирателям, но быстренько рассудили, что во благо личных интересов им лучше договориться меж собой. Недаром Городское управление расположено в старом доминиканском монастыре с видом на синагогу и еврейский квартал. «Чтоб не перестали забыть, что есть хорошо для гешефт», – произнес он, подражая говору старых евреев. – Не буду вам читать лекцию по истории, но вкратце все выглядело так: при красных город был дрянь. Хорошим считался Тарнобжег с его добычей серы, терпимым – стекольный завод за рекой, а здесь – только насмешки над образованщиной, а она ведь к тому же была в основном в сутанах. От Варшавы даже дорожные знаки указывали на Тарнобжег. Голь перекатная, зачуханный скансен – вот что

здесь было. Но пришло новое, люди обрадовались, правда ненадолго, потому что по ходу дела оказалось, что это не город, а атеистический нарост на здоровом организме Церкви. Из кинотеатра сделали Дом католика. На Рыночной площади принялись отправлять богослужения. На прибрежных лугах установили Иоанна Павла высотой с маяк, теперь там вроде бы даже неудобно устраивать общественные мероприятия, там только на прогулке собаки гадят. Ну и снова-здорово – зачуханный скансен, где больше костелов, чем закусовых. А потом к власти вернулись красные и после минутного замешательства оказалось, что если на горизонте неплохой гешефт, то ой-вэй, ой-вэй, на этом могут выиграть и бывшие, и настоящие слуги народа. К примеру, если на возвращенных костелу землях поставить магазин или автозаправку.

– Принимал ли в этом участие Будник?

Вильчур замялся. Он снова заказал воду, но так торжественно, будто просил принести двадцатипятилетний виски.

– Я по тем временам работал в Тарнобжеге, но люди сплетничали.

– Это Польша, здесь вечно сплетничают. Я слышал, что он никогда и ни во что не был замешан.

– Официально, да. Но ведь Церковь не обязана организовывать торги, она может продать все, что захочет, за сколько захочет и кому захочет. Вся эта история выглядела довольно странно: сначала, искупая учиненную коммунистами несправедливость, город, не заставляя себя лишний раз про-

силь, возвращает земли, принадлежавшие различным конфессиям, а те без лишних слов продают их под современную бензозаправку или супермаркет. Неизвестно кому, неизвестно по какой цене. А Будник был большим поборником идеи: Богу – Богово, а еврею – евреево.

Шацкий пожал плечами. Стало тоскливо. Ему не по вкусу пришлось нелестные, пропитанные польским ядом, липкие, как столы в «Модене», высказывания Вильчура.

– Подобное творится во всей Польше, какое это здесь имеет значение. Наделало Буднику врагов?

Кому-то он не угодил? Устроил не так, как нужно? Сошелся с мафией? Пока что это мне напоминает незатейливое жульничество, тему для местной школьной газетенки. А во-все не повод, из-за которого перерезают горло чьей-то жене.

Вильчур поднял тонкий морщинистый палец.

– Допустим, что здесь земля не на вес золота, как на Маршалковской, но даром ее не дают.

Он замолчал и задумался. Шацкий терпеливо ждал, наблюдая за Вильчуром. Как бы ему хотелось думать о нем как о местном опытном полицейском, но в инспекторе было то, чего он не любил. Выглядел Вильчур как забулдыга, и это впечатление настолько с ним срослось, что, разодевшись он в пух и прах и пристрастись к дорогому коньяку, все равно будет напоминать горького пьяницу. Доверие к нему у Шацкого по необъяснимым причинам ослабевало с каждой минутой. Ему доставало Кузнецова. Ох как доставало.

– Сами видите, как выглядит этот город, – продолжал Вильчур. – Возможно, он еще не проснулся, но это конфетка, другого такого в Польше не сыщешь, у него все задатки стать таким, как Казимеж-Дольный, а то и лучше. Соорудят пристань, откроют с полдюжины спа-курортов, рядом проведут автостраду из Варшавы до Жешува и дальше на Украину. И другую автостраду – из столицы до Кракова. Не пройдет и пяти лет, как здесь в каждую пятницу в обе стороны будут стоять пробки из БМВ. Сколько концов можно будет тогда отбить на земельных участках? Десять? Двадцать? Сто? Не надо быть гением, чтобы предвидеть такое. А теперь представьте себе: вы знаете Сандомеж, у вас полным-полно денег и грандиозные планы: гостиницы, рестораны, виллы, туристические развлечения. В сандомежской земле действительно зарыты миллиарды. И вам это прекрасно известно, но самое большое, что вы можете здесь сделать, – поставить рядом со своей виллой собачью конуру, потому как городские земли в ореоле славы возвращаются церковным властям, чтоб потом тихой сапой перейти к самым приближенным и тем, кто знает нужных людей. Вы где устроились?

– Снимаю на Длугоша.

– А вы интересовались, сколько здесь стоит квартира? Дом? Участок?

– Конечно. Квартира в шестьдесят метров – около двухсот тысяч, дом – в три раза больше.

– А в Казимеже такая же квартира стоит около миллиона,

на дом верхней границы фактически не существует, хотя в случае окраинных трущоб разговор начинается с миллиона.

Шацкий представил себе, как берет самый большой кредит и покупает здесь три квартиры, чтоб через несколько лет стать счастливым рантье. Миленко.

– Ладушки, – отозвался он, растягивая это слово. – Тогда вопрос: кто из хозяев собачьей конуры мог так озвереть?

Вильчур оторвал фильтр и прикурил.

– Вам следует понять одну вещь, – произнес он. – Будника здесь никто не любит.

Шацкому стало не по себе, он-то думал, что имеет дело с проницательным местным полицейским, а оказалось – с параноиком.

– Мне только что нарисовали образ обоих Будников в самых пастельных тонах – этаких всеобщих любимцев, внецерковных праведников. Это правда, что он пригласил сюда съемочную группу «Отца Матеуша»?

– Правда. Должны были снимать в Нидзице, но Будник знал одного там на телевидении и уговорил снимать в Сандомеже.

– А правда, что благодаря ему заросли на бульваре Пилсудского превращаются в парк и пристань?

– Сушая правда.

– А правда, что он привел в порядок парк Пищеле?

– Чистейшая. Даже на меня это произвело впечатление, я был уверен, что никому не под силу этот овраг – раздолье

для убийц и насильников.

Что-то ему не приходилось слышать ни о каких сандомежских убийцах и насильниках, подумал Шацкий, за исключением, пожалуй, местных забегаловок, где вкус кормежки убивал желание что-либо съесть, а вонища насилвала ноздри. Но он смолчал.

– Тогда в чем дело? – спросил он.

Инспектор Вильчур сделал неопределенный жест, как бы пытаясь передать то, что на словах было невыразимо.

– Знаете ли вы такой тип крикуна-общественника, который не выносит возражений и вечно со всеми воюет, организует крестовые походы?

Шацкий кивнул.

– Это как раз тот тип. Прав ли он или нет, он у всех сидит в печенках. Я знаю людей, которые голосовали, как он хотел, лишь бы тот отвязался. Чтоб не выматывал кишки, не вызванивал по ночам, не бегал по газетам.

– Как-то маловато, – отозвался Шацкий. – Общественник, проедающий всем плешь, занимающийся мелким провинциальным жульничеством, – всего этого мало. Ему ведь никто не проколол шины, не разбил стекло, не убил собаку. Ему зверски и неслучайно зарезали жену.

Соберай оценивала жертву однозначно. Прекрасный человек, без недостатков, добрая, с открытым сердцем, даже если муж ее во время своих крестовых походов и бывал слишком агрессивен, возбуждая злость, то при ней на-

род становился мягче. Она помогала, советовала, устраивала. Ходячая земная добродетель с самым что ни на есть благородным сердцем. Прокурор Соберай пела ей лишние объективности дифирамбы, а потом разрыдалась. Неловко, но все-таки довольно убедительно. Тем временем с информацией от Вильчура у Шацкого возникли трудности. Что-то не стыковалось. Он еще не знал, что именно, но что-то было не так.

– Мать Эльжбета от ангелов – так ее называли, – проскрипел Вильчур.

– Ненормальная?

Вильчур покрутил головой.

– Никоим образом. Олицетворенная добродетель.

– В сегодняшнем рассказе выглядела ненормальной.

– Об этом знаете только вы и я, и она тоже знала. Поэтому и ненавидела это прозвище. Но так ее называли, думали, что ей приятно. Буду с вами откровенен: она заслужила любой комплимент. Она была действительно славным человеком. Повторяться не буду, но наверняка все, что вы о ней услышали и что вам еще предстоит услышать, – все это правда.

– Может, она раздражала людей? Слишком много было в ней от общественницы? Или католички? Редко ходила на ярмарки и народные гулянья? Это Польша, должны же ведь ее за что-то ненавидеть, подпускать шпильки у нее за спиной, чему-то завидовать.

Вильчур пожал плечами.

– Нет.

– Нет, и точка? И конец блестящего анализа?

Полицейский поддакнул и оторвал фильтр от сигареты. А Шацкого охватило чувство полного поражения. Он захотел в Варшаву. Сейчас же. Немедленно.

– А отношения между ними?

– Вы, по всей видимости, знаете принцип, по которому люди спариваются: красивые с красивыми, глухие с глухими, расточительные с расточительными. А Эльжбета Будник была на две-три головы выше его. Как бы вам объяснить... – Вильчур задумался, из-за чего лицом стал смахивать на труп или упыря. В тусклом освещении пиццерии, за завесой сигаретного дыма, он выглядел словно не вполне ожившая мушкетерша. – Люди терпят его только потому, что он – ее выбор. Думают: ладно, пусть будет ненормальный, но в сумме-то он ведь прав, а если рядом с ним такая женщина, то плохим он быть не может. И он это знает. Знает, что к нему так относятся вопреки его характеру.

Соберай сказала: «Как бы мне хотелось, чтобы нашелся такой мужчина, который был бы в меня влюблен столько лет. Хотелось бы каждый день видеть обожание в чьих-то глазах. Со стороны можно было подумать, что они не подходят друг другу, но это была прекрасная пара. Такой любви и обожания пожелать бы каждому».

– Он обожал ее, но в его обожании было что-то грязное, – сочил свой яд Вильчур, – что-то, на мой взгляд, хищное

и липкое. Моя благоверная несколько лет назад работала в больнице, и выяснилось, что Будник не может иметь детей. Она была в отчаянии, а ему – трын-трава. Сказал, что, по крайней мере, не придется ни с кем ее делить. Наверняка это была страсть. Но вы ведь знаете, как оно бывает со страстями.

Шацкий знал, но ему не хотелось соглашаться с Вильчуrom, поскольку тот все меньше ему нравился, и всяческое братание с таким типом казалось ему омерзительным. Да и продолжать дискуссию не хотелось. Два человека рассказали ему сегодня многое о Будниках, но у него сложилось впечатление, что он ровным счетом ничего о них не знает. Не нужны ему эти эмоционально окрашенные сведения.

– Вы допросили Будника? – спросил он под занавес.

– Он в страшном состоянии. Я задал ему пару формальных вопросов, остальное оставил вам. За ним установлено наблюдение.

– Где он был вчера?

– Дома.

– А она?

– Тоже дома.

– Не понял?

– Он так утверждает. В обнимочку смотрели телевизор и заснули. Утром, когда он встал попить, ее и след простыл. Прежде чем успел всерьез обеспокоиться, позвонила Баська Соберай.

Шацкий не верил собственным ушам.

– Ерунда какая-то. Непроходимая глупость, такого я в своей карьере еще не слышал.

Вильчур кивнул.

Прокурор Теодор Шацкий выбросил из холодильника залежавшиеся остатки ветчины и сыра, начатую баночку паштета, недоеденный помидор и на секунду задумался над содержимым сковороды – в результате и позавчерашний соус болоньезе тоже угодил в помойку. Бóльшая часть того, что приготовил. Он все время готовил слишком много, на семью из трех человек плюс случайные гости. Однако в Сандомеже у него семьей не пахло, не пахло и друзьями, знакомыми, гостями. Иногда он приказывал себе сварить что-то только для себя одного, но стоять в одиночестве у плиты, а потом в одиночестве поглощать свою стряпню было мукой. Он пробовал есть при включенном радио или телевизоре, но имитация присутствия живого человека только усугубляла положение. Кусок застревал в горле, а само поглощение пищи связывалось у него в голове с каким-то депрессивным занятием, так что после еды он еще долго приходил в себя. И с каждым днем становилось хуже.

В магазин он шел как на заклание. Учился покупать все меньше и меньше. Вначале, как и с готовкой, он по старой памяти покупал как всегда. Он привык: сколько ни купи, все исчезнет из холодильника. Кто-то сделает себе бутерброд, кто-то вернется голодный, кто-то вечером перекусит у телевизора. Здесь же он был один. Сначала он отказался от

расфасованных продуктов. Копченостей и сыров в упаковке оказывалось для одного слишком много. Стал покупать развесное, но по-прежнему слишком много. Двести граммов ветчины, сто пятьдесят, сто. Как-то он стоял возле кассы в занюханном магазине на Рыночной площади. Одна булочка, творожок, апельсиновый сок в маленькой упаковке, пятьдесят граммов мясного рулета, помидор. Продавщица пошутила: кажется, у нас аппетита нет. Он вышел, не проронив ни слова, по дороге еще как-то держался, но дома, готовя себе завтрак, прослезился, а когда уселся за тарелкой с двумя бутербродами, впал в истерику, не мог остановиться, не мог оторвать помутневшего взгляда от бутербродов с рулетом, слезы катились по лицу, а он выл, раскачиваясь взад-вперед, осознавая, что потерял все, что любил, и этого уже не вернешь.

С отъезда из Варшавы он похудел на пятнадцать килограммов. Здесь его не знали, подозревали, что он всегда был дохлятиной. Но костюмы на нем висели, воротнички отставали от шеи, а на ремнях ему пришлось сделать парочку дырок раскаленным над газом гвоздем.

Он носился с мыслью уйти с головой в работу, но здесь столько работы не набиралось. Возвратиться в Варшаву – но к чему? Найти кого-нибудь, кто не просто бы согрел его постель? Но на это не осталось сил. Он частенько лежал, размышляя. Порой ему казалось, что отпустило, что он ощутил твердую почву под ногами, но именно в тот самый мо-

мент земля осыпалась, и он снова отступал назад. А по другую сторону пропасти осталась прежняя жизнь, там пребывали Вероника, Хеля, Кузнецов, друзья. Там был свет, шум и смех. Наступал очередной день, земля под ногами опять осыпалась, и ему снова приходилось отступать. В конце концов темнота окружила Шацкого со всех сторон, и он смирился с тем, что так останется до скончания веков.

Он налил в сковородку немного воды и поставил ее на плиту. Потом вымоет.

Так не должно быть, размышлял он, позабыв, что вбивает себе это в голову каждый день. Так быть не должно! Люди после разводов находят общий язык, порой даже дружат, вместе воспитывают детей, Деми Мур была на свадьбе у Брюса Уиллиса, а он у нее; чтобы быть семьей, необязательно спать в одной постели и жить под одной крышей. Ведь он, Вероника и Хеля навсегда останутся семьей, что бы ни случилось.

Он потянулся к телефону, Вероника все еще оставалась у него в быстром наборе. С той лишь разницей, что теперь то была Вероника, а не как когда-то Киса.

– Алло?

– Привет, это я.

– Привет, вижу. Чего хочешь?

Он понимал, у нее есть право отбросить вежливость.

– Звоню, чтоб узнать, всё ли у вас в порядке. Что слышно у тебя? У Хели?

Молчание.

– Ты опять?

– Что значит «опять»? Извини, но я имею право узнать, что у моей дочери?

Вздых.

– У твоей дочери всё в порядке, сажаю ее за уроки, завтра классная работа. – У нее был уставший, недовольный голос, будто она исполняла тяжкую повинность, и Шацкий почувствовал, как в нем вскипает злость.

– По какому предмету?

– По природоведению. Тео, хочешь что-то по делу сказать? Прости, я немного занята.

– По делу я бы хотел знать, когда ко мне приедет моя дочь. У меня такое впечатление, что ты препятствуешь ее контактам со мной.

– Не будь параноиком. Сам знаешь, она не любит туда ездить.

– Это почему же? Может, потому, что у ее отчима появится конкуренция и твое новое замужество уже не покажется ей таким расчудесным?

– Тео...

– Разве не так? Но мне кажется, она должна понять, что я теперь живу здесь.

Он ненавидел себя за то, что в его голосе появились душещипательные нотки.

– Объясни ей это сам.

Он не знал, что ответить. Хеля разговаривала с ним неохотно, да и слушала его тоже неохотно. Ей нравился новый дом, удаленный от холостяцкой норы ее отца на двести километров. Раньше она старалась скрывать свою неохоту, но в последнее время перестала.

– Хорошо, тогда, может, мне приехать.

– Как хочешь. Тео... умоляю, если у тебя нет ничего конкретного...

– Нет, спасибо, поцелуй от меня моего барсучонка. Хорошо?

– Ладно.

Она подождала, не скажет ли он еще чего, а он чувствовал ее неприязнь и раздражение. Он ловил звуки, добегающие с другого конца провода: голоса из телевизора, звякнула крышка от кастрюли, детский смех. Вероника положила трубку, и в маленькой квартире на Длугоша в Сандомеже воцарилась ничем не нарушаемая тишина.

Надо было что-то сделать, чтоб разогнать грустные мысли. Работа! Ведь как-никак у него теперь нормальное дело. Надо составить план следствия, все продумать, расписать на этапы, внести в календарь. Так почему он этого не делает? В Варшаве он бы уже исписал три тетрадки. Резким движением Шацкий открыл ноутбук – собирался поискать нужную информацию, готовясь к завтрашнему допросу Будника. Его наверняка полным-полно в массмедиа – и его, и его жены. Стоит просмотреть комментарии, сплетни, отчеты за-

седаний горсовета. Все, что найдется. Характерный звук – он переписал его из *Mysta*²¹ – оповестил, что пришло новое сообщение.

From: redakcja@sztych.com.pl

Subject: Re: Прокурор интересуется бритвой-мачете

To: teodor.szacki@gmail.com

Date: 15 april 2009 19:44

Здравствуйте!

Ну и напугали же Вы меня своим прокурором. Я уже подумал, что мы какую-то статью нарушили, поместив снимки больших ножей. Что же касается вопроса, пришлось опросить несколько солидных коллекционеров, чтобы подтвердить мое личное мнение, и все мы единодушны: ваша «бритва-мачете» – это хелеф, то есть нож для ритуального убоя скота, которым пользуется шохет – еврейский резник.

Судя по размерам, можно заключить, что был он предназначен для крупного скота (меньшие по размеру используются для птицы или ягнят), а судя по сохранности, его можно было бы и сейчас преспокойно использовать на кошерной бойне. К Вашему сведению: ножи для ритуального убоя должны содержаться в идеальном состоянии, на лезвии не может быть никаких царапин или неровностей, а перед каждым использованием лезвие проверяется на краешке ногтя.

²¹ *Mysta* – компьютерная игра. Прокурор Шацкий, как, впрочем, и сам автор, – большой знаток компьютерных игр.

Дело в том, что только безупречно острый нож позволит одним махом рассечь пищевод, гортань, главную шейную вену и артерию, а таковы условия ритуального кошерного убоя. Евреи считают, что это самый гуманный и безболезненный способ убийства (сколько в том правды – другое дело).

Надеюсь, что кое в чем вам помог и что нож – мне очень понравилось ваше название «бритва-мачете» – не был использован в гнусных целях.

*С наилучшими пожеланиями,
редактор Янек Вевюрский*

Позабыв о своих личных невзгодах, Шацкий перечитал мейл несколько раз. В религиозном городе с антисемитским прошлым ему предстояло вести следствие по делу об убийстве известной общественницы, прирезанной ритуальным способом, как корова на еврейской бойне.

Кто-то постучал.

И вправду предстоит первостатейная бойня, решил Шацкий, тотчас же обругав себя за неудачные слова. И открыл дверь. Перед ним стояла голенькая Клара. Он взглянул на ее прелестное упругое тело, на молодую грудь и рассыпавшиеся по плечам каштановые волосы. И улыбнулся, блаженно и одобрительно, совершенно ничего к ней не чувствуя.

Но улыбка была искренней. У прокурора Теодора Шацкого появилось настоящее дело, и был он этому несказанно рад.

Глава вторая

Четверг, 16 апреля 2009 года

Для евреев в диаспоре – последний день Песаха, для христиан – пятый день Пасхальной октавы, для поляков – последний день национального траура. Войско Польское отмечает День сапера, актриса Алина Яновская – восемьдесят шестой день рождения, а Варшавская фондовая биржа – восемнадцатый. Во Влоцлавеке муниципальная охрана задерживает ксендза и министранта в сильном подпитии. Оказались обычными мирянами, которые стащили церковное облачение у матери одного из них, портнихи. Британская фирма обнаружила неподалеку от Познани большие залежи газа, а британская пресса сообщает, что чаще всего на похоронах играют Mu Way Синатры, высокую строку в списке шлягеров занимает также Highway to Hell группы AC/DC. В четвертьфинале Кубка УЕФА выигрывают, а затем в полуфинале в братоубийственных матчах сразятся «Динамо» и «Шахтер», а в другой паре – «Вердер» и «Гамбург». Сандомеж возмущен переездом овощного базара на новое место – оказывается, нужно освободить место для паркинга возле нового стадиона. Независимо от отношения к этому перемещению рынка все жители переживают очередной холодный день. Температура не выше 14 градусов, но, по крайней

*мере, солнечно и нет дождя.*²²

²² *Министрант* – мирянин, помогающий священнику во время богослужения.

Прокурор Теодор Шацкий недолюбливал холод, идиотские дела, некомпетентных адвокатов и провинциальные суды. В то утро все это он получил в полной мере. По календарю – весна. Выглянул в окно – весна. Надел костюм, плащ, закинул через плечо мантию и решил подышать свежим воздухом по дороге в суд. На Сокольницкого, проскальзывая по заиндевевшей брусчатке, понял, что затея оказалась не ахти. Вблизи Опатовских ворот у него замерзли уши, возле водонапорной башни он уже не чувствовал пальцев, а когда наконец свернул в Костюшки и вошел в здание суда цвета пожухлой зелени, еще несколько минут приходил в себя, согревая дыханием окоченевшие руки. Полюс холода, вонючая деревня, глушь, пропади она пропадом.

Здание было несуразным. Когда его строили в начале девяностых, оно могло еще казаться современным, но сегодня напоминало цыганский дворец, переделанный в объект общественного пользования. Ступеньки, отделка хромом, зеленоватый камень никак не гармонировали с окружающими домами и не соответствовали назначению здания, а в пожухлой зелени было нечто заискивающее, будто тщилося оно скрыть свое уродство на фоне кладбищенских деревьев. Зал слушаний был ему под стать – в помещении, напоминавшем конференц-зал второразрядной корпорации, прежде всего

бросались в глаза зеленые жалюзи.

Скисший от этой красоты Шацкий надел мантию и занял прокурорское место. Напротив расположились обвиняемый и его адвокат. Хуберт Хубый – располагающий к себе семидесятилетний мужчина, все еще густые волосы цвета соли с перцем, очки в роговой оправе и чарующая улыбка скромняги. Его защитник, скорее всего государственный, вид имел не из приятнейших: мантия небрежно застегнута, волосы немыты, ботинки нечищены, усы неухожены – создавалось впечатление, что от него еще и попахивает. Как и от всего этого дела, с нарастающей злостью подумал Шацкий; для него завершение всех дел предшественника было условием получения должности в Сандомеже.

Наконец появилась судья. Девушка выглядела так, будто только что сдала на аттестат зрелости. Однако худо-бедно процесс начался.

– Пан прокурор? – после исполнения всех формальностей судья приветливо ему улыбнулась. В Варшаве ни один судья тебе не улыбнется, разве что ехидно, если поймает на слабом знакомстве с процедурой.

Теодор Шацкий встал, по привычке поправил мантию.

– Уважаемый суд, я как прокурор поддерживаю все положения обвинительного акта. Обвиняемый сознался по всем пунктам инкриминируемого ему деяния, его вина не вызывает сомнения ни в свете его собственных показаний, ни в свете показаний пострадавших женщин. Дабы не затягивать

дело, предлагаю признать его виновным в том, что он хитростью и обманом втирался в доверие пострадавших и совершал в отношении последних различного рода сексуальные действия. Налицо все признаки поступка, подпадающего под статью сто девяносто седьмую, часть вторая, Уголовного кодекса. Прошу назначить обвиняемому наказание в виде шести месяцев лишения свободы, что, заметим, является нижней границей наказания, предусмотренного законодательством.

Шацкий сел, дело говорило само за себя, он лишь хотел, чтобы оно как можно скорей закончилось. Он неспроста потребовал самого легкого наказания – вступать в прения у него не было никакого желания. Все это время он в уме составлял план допроса Будника, перебирал темы и вопросы, менял их очередность, пытался предвидеть все сценарии разговора. Он был убежден, что Будник солгал, утверждая, что последний вечер провел с женой. Но ведь врут все, и это их еще не делает убийцами. У него могла быть любовница, они могли поссориться, он мог пить с друзьями. Стоп, любовницу исключить – если Соберай и Вильчур говорили правду, Будник был самым влюбленным человеком на свете. Снова стоп, исключать ничего не следует – они могли сговориться, ведь неизвестно кто, зачем и почему что-то ему рассказывает. Вильчур не вызывает доверия, Соберай была по другой семьи.

– Пан прокурор, – резкий голос судьи вырвал его из раз-

мышлений, он сообразил, что слышал лишь каждое третье слово из речи защитника.

Шацкий встал.

– Слушаю, уважаемый суд.

– Что вы скажете о позиции защиты?

Вот уж озадачила: какова позиция защиты. В Варшаве судья сроду не спрашивал мнения (редчайшие исключения не в счет), а, скучая, выслушивал обе стороны, исчезал, а потом читал приговор – и на этом точка, следующий, пожалуйста.

В Сандомеже судья оказалась сердобольной.

– Чтобы изменить квалификацию деяния на статью двести семнадцатую, часть первая.

Шацкий в тот же миг вспомнил содержание статьи. Он взглянул на защитника как на сумасшедшего.

– Скажу, что это, видимо, шутка. Адвокату следует познакомиться с основными интерпретациями данной статьи и судебной практикой. Статья двести семнадцатая касается посягательства на телесную неприкосновенность и применяется лишь в случае мелких драк или, например, когда один политик заехал другому по физиономии. Я, разумеется, понимаю соображения защиты – посягательство на неприкосновенность преследуется по частному обвинению, и тут предусмотрено наказание до одного года. Это не идет ни в какое сравнение с сексуальным домогательством, за которое грозит от шести месяцев до восьми лет. А именно этим и занимался ваш клиент, коллега.

Защитник встал. Вопросительно взглянул на судью, девица кивнула.

– Я бы хотел тут напомнить, что в результате переговоров с пострадавшими почти все они простили моего клиента, пойдя на мировую, что должно повлечь за собой прекращение судопроизводства.

Шацкий не ждал разрешения судьи.

– Еще раз повторю: прочтите Уголовный кодекс, коллега, – рявкнул он. – Во-первых, «почти все» – это еще не «все», чувствуете разницу? А во-вторых, прекращение судопроизводства в результате любовного соглашения применимо лишь к тем преступлениям, которые предусматривают наказание до трех лет лишения свободы. Вы же можете добиваться лишь чрезвычайного смягчения наказания, которое и так до смешного мягко, принимая во внимание, что учинил ваш клиент.

Как бы удивляясь услышанному, адвокат улыбнулся и развел руками. Слишком много фильмов и слишком мало профессиональной литературы, мысленно истолковал ситуацию Шацкий.

– А что тут такого? Кого-то оскорбили или обидели? Или удовольствие было ниже среднего? Обычное дело, люди взрослые...

Кровь залила Шацкому глаза. Чтобы успокоиться, он считал в уме до трех. Глубоко вдохнул, выпрямился и взглянул на судью. Та, сгорая от любопытства, кивнула.

– Пан адвокат, как прокурор я удивлен не только вашему незнанию законов, но и вашей неосведомленности относительно обычаев в цивилизованном обществе. Напомню, что обвиняемый Хубый в течение многих месяцев ходил по домам в белом халате с врачебной сумкой и представлялся врачом. Одно это уже наказуемо. Рекламирровал он себя как специалист по, цитирую, «маммографии методом пальпации» и предлагал профилактическое обследование, желая тем самым, чтобы женщины обнажились и предоставили ему доступ к своим прелестям. Что, в свою очередь, подходит под определение насилия. Я бы хотел также напомнить, что большинство своих «пациенток» он заверял в хорошем состоянии их бюста, что могло не соответствовать истине и привести к тому, что женщины эти могли прервать обследование в поликлинике и в дальнейшем иметь нешуточные проблемы со здоровьем. Впрочем, в том и состоит главная причина, из-за которой одна из потерпевших не пошла на мировую.

– Да, но у двух из них он обнаружил уплотнение и уговорил заняться лечением, которое спасло им жизнь, – восторженно воскликнул адвокат.

– Так пусть эти дамы установят ему награду и присылают посылки. Здесь мы рассматриваем совершение обвиняемым запрещенных законом действий, за что он должен понести наказание, ибо нельзя ходить по домам, вводить людей в заблуждение и давать волю рукам. Так же как нельзя ходить по улицам и вышибать людям зубы в надежде, что потом сто-

матолог обнаружит и вылечит более серьезные изъяны.

Он видел, что судья чуть не поперхнулась со смеху.

– Но дело привело к тому, что в воеводстве возникла серьезная дискуссия на тему профилактики и необходимости маммографического обследования, – гнул свое адвокат.

– Это ваша официальная позиция? – Шацкий почувствовал усталость.

– Это обстоятельства, которые следует принять во внимание.

Шацкий вопросительно взглянул на развеселившуюся судью.

– Закрываю заседание, вынесение приговора в понедельник, в десять. А вас, пан прокурор, приглашаю к себе в кабинет.

Кабинет судьи (Марыси Татарской, судя по вывешенному списку сегодняшних дел, назначенных к слушанию) был уродлив, как, собственно, и все здание с его пожухлой зеленью, но, по крайней мере, просторен. Шацкий постучался, дождался разрешения и вошел в тот момент, когда судья Татарская снимала мантию. На тумбочке уже шумел электрический чайник.

– Кофе? – спросила она, развешивая судейское облачение.

Шацкий хотел было ответить: с удовольствием, одна чайная ложечка, без сахара, много молока, но в тот момент судья повернулась к нему спиной, и прокурору пришлось сосредоточиться на том, чтобы скрыть свои эмоции. Без мантии су-

дья Татарская оказалась обалденной секс-бомбой, с телом, как у девиц с глянцевого разворота, а вырез ее фиолетовой блузки был смелым даже для ночного клуба.

– С удовольствием, одна чайная ложечка, без сахара, много молока.

Покуда она готовила для них кофе, поболтали немного о деле. *Small talk*²³, ничего интересного. И он предположил, что пригласила она его сюда с вполне определенной целью. Отнюдь не затем, чтоб насладиться обществом сухаря с тощей фигурой и землистым лицом, которому через пару месяцев стукнет сорок и у которого зима прошла в депрессии и при полном отсутствии физических нагрузок. Он знал, что выглядит чинушей. Обычно ему было на это наплевать, но сейчас хотелось произвести другое впечатление. И еще ему хотелось, чтобы она побыстрее перешла к делу – через пять минут ему надо было уходить.

– Я немного слышала о вас и о ваших делах, коллеги из столицы рассказывали. – Она внимательно присматривалась к нему. Шацкий молчал, ждал продолжения. Да и что сказать? Что он о ней тоже слышал? – Не то чтобы мы специально расспрашивали, когда прошел слух, будто вы здесь остаетесь. Дело в том, что кадровые изменения в глубинке случаются редко. Вы, пожалуй, этого не заметили, но в нашей среде ваше назначение стало небольшой сенсацией.

Он опять не знал, что сказать.

²³ *Small talk* – легкая светская беседа (англ.).

– Искала я и в прессе, читала о ваших делах, некоторые – так просто первоклассные детективы, громкие истории. Особенно меня заинтересовала та, с убийством в ходе расстановки Хеллингера²⁴.

Шацкий пожал плечами. Хеллингер, черт бы его побрал, если бы не то дело, если б не возникшая тогда интрижка и не мрачное прошлое министерства безопасности, до которого он докопался, наверняка сейчас бы поглощал себе яйцо в майонезе в судейском буфете и уславливался с Вероникой, кто заберет ребенка из школы.

– В свое время я очень интересовалась Хеллингером, даже в Кельцы поехала на расстановку, но ее отменили, а второй раз ехать уже не захотелось. Знаете, одинокая женщина, длинные вечера, в голову лезет всякое. Думает, а что, если с ней что-то не так, если нужна терапия. Глупо, правда?

Шацкий не верил своим ушам. Она его кадрила. Эта секс-бомба с юридическим образованием его кадрила! По старой супружеской привычке он оцепенел – сразу же подумал о флирте, встречах, лжи, тайных эсэмэсках, выключенных мобильных, якобы сверхурочных часах, потраченных на свиданиях в городе.

И тут же опомнился, супружеская привычка – только привычка, она хоть и вторая натура, но все-таки вторая. А он

²⁴ *Берт Хеллингер* (р. 1925) – автор психотерапевтического метода, получившего название «семейной расстановки». В предыдущей книге Зигмунта Милошевского «Повязанные» прокурор Шацкий расследует дело об убийстве одного из пациентов в ходе лечения по этому методу.

был свободен, сам себе хозяин, у него есть квартира с видом на Вислу. Он мог условиться и отмочалить эту провинциалку на кухне встоячку. Без угрызений совести, без ухищрений, без намеков на дружбу и невинное знакомство.

Надо было торопиться. Он условился на вечер. Хеллингер – ну конечно, да, это действительно было дело, он с удовольствием ей расскажет.

Только Клару нужно будет сплавить.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ. Гжегож Будник, дата рожд. – 4 декабря 1950 г., проживает в Сандомеже, ул. Кафедральная, д. 27, образование высшее, химик, председатель Городского совета города Сандомеж. Отношение сторон: муж Эльжбеты Будник (жертвы). За дачу ложных показаний к уголовной ответственности не привлекался.

Предупрежденный об уголовной ответственности по ст. 233 УК, сообщает следующее:

С Эльжетой Шушкевич я познакомился зимой 1992 года в ходе мероприятия для детей «Зима в городе». Она приехала из Кракова, чтобы вести занятия в театральном кружке для детей во время каникул. Раньше я ее не знал, хотя детство ее протекало в Сандомеже. Я координировал тогда все мероприятия, проходящие в ратуше, и обратил на нее внимание, потому что для некоторых подобные культмероприятия – тяжкая повинность, а она под конец каникул сделала с детьми такое представление, «Рассказы для детей» Зингера, что зал устроил ей настоящую овацию. Была она молода, ей не было тогда еще тридцати, красивая, энергичная. Я влюбился без памяти, без робкой надежды на что-либо – провинциальный чиновник и девушка из большого города после окончания Театральной школы. Но через

два года на Белое воскресенье²⁵ мы обвенчались в Сандожежском кафедральном соборе.

К сожалению, детей мы не нажили, хотя очень хотели. Когда оказалось, что для усыновления надо проходить массу медицинских обследований, мы решили, что и в дальнейшем будем заниматься детьми на общественных началах. Я – в меньшей степени, учитывая обязанности в горсовете, а Эля отдалась этому всей душой. Она учительствовала в школе, но прежде всего организовывала мероприятия, приглашала артистов, придумывала интересные кружки и занятия. Нашей общей мечтой было создать такое специальное место – центр искусств для детей, где можно было бы устроить лагерь в американском стиле. Но руки вечно не доходили, засасывала текучка. Мы уже точно решили – начнем в нынешнем году, поищем помещение, возьмем кредит.

Наша совместная жизнь складывалась хорошо, ссорились мы считанные разы, любили ходить в гости и принимать друзей у себя, теперь, пожалуй, и не так часто, зима длинная, а у нас лучше всего было сидеть в саду.

Шацкий ощутил себя разбитым. Этот краткий протокол стал результатом трехчасового разговора. Будник без конца отклонялся от темы, погружался в молчание, то и дело проливал слезы, каждую минуту считал нужным подчеркнуть,

²⁵ *Белое воскресенье* – у католиков вторая неделя после Пасхи, следующая после Пасхальной октавы.

что без памяти любил свою жену, рассказать какую-нибудь историю из их жизни. От его искренности у Шацкого сердце обливалось кровью. Но прокурорский нос улавливал неприятный душок лжи. В одном только Будник наверняка говорил правду: его чувство к жене было по-настоящему трогательным. Во всем прочем – врал как сивый мерин.

Последние дни мы по большей части коротали с женой вместе. Зимой нам пришлось много работать, поэтому мы решили провести Пасху вдвоем. Впрочем, посещать было некого, да и приглашать – тоже. Моя сестра поехала навестить брата в Германии, родители Эли – в Закопане. Все должны были вернуться сейчас, в это воскресенье, на пятнадцатую годовщину нашей свадьбы, нам хотелось устроить пирушку, как бы вторую свадьбу. С субботы мы ни с кем не встречались, то есть виделись со знакомыми в костеле во время освящения даров, пошли мы не в собор, а в костел Святого Павла, чтобы хоть немного пройтись, а потом уже – ни с кем. В воскресенье мы проспали процессию, скромно, но по-праздничному позавтракали, немного почитали, немного поговорили, немного посмотрели телевизор. Вечером пошли погулять, потом заглянули в собор, но не на мессу, а только помолиться немного. Уж не помню, был ли там кто-нибудь, кто мог бы нас видеть, вроде бы да. Весь понедельник мы, по сути дела, провели в постели, у Эли заболело горло, в эти праздники было страшно холодно. Во вторник она все еще неважно себя чувствовала, у нас не было никаких

обязательств, и мы остались дома.

На всякий случай мы отложили визит к Ольге и Тадеушу Боярским. Не помню, – кажется, жена позвонила им в понедельник вечером или во вторник утром. Я во вторник ненадолго заскочил в горсовет, там меня видели. Вернулся после обеда, принес еду из ресторана, из «Тридцатки», Эля чувствовала себя уже лучше, выглядела не так плохо, и мы даже пожалели, что отложили визит. Вечером смотрели на первом канале какой-то фильм с Редфордом, о тюрьме, забыл название. Спать легли очень рано, у меня разболелась голова. Ночью я не вставал. У меня нет проблем с простатой. Когда я проснулся, Эли не было. Не успел я встревожиться, как позвонила Бася Соберай.

Я рад, что меня допрашивает именно вы. Для Баси это бы оказалось трудным.

– Допрашиваю, поскольку именно я веду следствие. Эмоции здесь ни при чем.

Гжегож Будник молча кивнул. Выглядел он страшно. Выслушав рассказы о легендарном депутате, Шацкий ожидал увидеть толстячка с усами или посеребренной бородкой, с разрастающейся плешью, в едва сходящемся на животе жилете – словом, такого депутата или бургомистра из телевизора. А тем временем Гжегож Будник был типом пенсионера-марафонца: низенький, худощавый, жилистый, как хищник, будто в теле у него не было ни единой жиринки.

В нормальной ситуации способный в армрестлинге при-

гвоздить к столу не одного провинциального силача, сегодня он выглядел как человек, проигравший затянувшуюся борьбу со смертельной болезнью. Коротенькая рыжая борода не могла спрятать запавших щек, влажные грязные волосы прилипли к черепу. Круги под красными от слез глазами, потухший взгляд, вероятно, от успокоительного. Сгорбленный, замкнутый в себе, Будник скорее напоминал Шацкому столичных бомжей, которых он допрашивал почти ежедневно, а не бескомпромиссного депутата, главу горсовета, грозу политических противников. Да еще этот свежеприклеенный пластырь на лбу – короча, впечатление удручающее. Гжегож Будник скорее смахивал на клошара, нежели на чиновника.

– Что это у вас на лбу? Что-нибудь случилось?

– Споткнулся и ударился о сковороду.

– О сковороду?

– Потерял равновесие, взмахнул рукой и ударил по ручке сковороды, а она подскочила и ударила меня по голове. Ничего страшного.

– Нужно пройти медицинское освидетельствование.

– Ничего страшного.

– Мы не о вас беспокоимся. Нужно проверить, не результат ли это драки.

– Не верите мне?

Шацкий лишь только посмотрел на него. Он никому не верил.

– Вы, вероятно, знаете, что имеете право отказаться да-

вать показания и можете не отвечать на конкретные вопросы?

– Знаю.

– Но предпочитаете лгать. Почему?

Будник гордо выпрямился, словно это могло прибавить правды к его показаниям. Шацкий не дал ему возможности открыть рот:

– Когда в последний раз вы видели свою жену?

– Я же говорил...

– Я знаю, что вы говорили. А теперь я прошу мне сказать, когда вы на самом деле в последний раз видели жену и почему солгали. В противном случае мне придется задержать вас на сорок восемь часов, обвинить в убийстве супруги и обратиться в суд за разрешением на арест. У вас тридцать секунд.

Будник сгорбился еще больше, покрасневшие глаза, контрастирующие с бледным лицом, наполнились слезами. Шацкому вспомнился Голлум из «Властелина колец».

– Двадцать.

Голлум, шепчущий «наше сокровище», не существующий без него, зависимый от вещи, которая никогда не могла быть его собственностью. Не так ли выглядел брак Гжегожа и Эльжбеты Будник? Провинциальный Голлум, страхолудина-общественник и девушка из большого города, красивая, умная, добрая, звезда высшей лиги на встречах школьных футбольных команд. Почему она здесь осталась? Почему за него вышла?

– Десять.

– Я ведь говорил...

Ни одна мышца не дрогнула на лице Шацкого, он набрал номер телефона и одновременно вытащил из ящика стола формуляр для предъявления обвинений.

– Говорит Шацкий, с инспектором Вильчуром, будьте добры.

Будник протянул руку и дал отбой.

– В понедельник.

– Почему вы лгали?

Будник сделал неопределенный жест, словно хотел пожать плечами, но не хватило силы. Шацкий придвинул к себе протокол и щелкнул авторучкой.

– Слушаю.

– Меняю свои показания. Последний раз свою жену Эльжбету я видел в Пасхальный понедельник около двух часов дня. Расстались мы в обиде друг на друга, повздорили из-за наших планов: она утверждала, что время идет, мы становимся старше, и, если хотим осуществить наши мечты о центре, нам надо наконец сделать первые шаги. Я предпочитал подождать до будущего года, до выборов в местное самоуправление, я собирался баллотироваться на бургомистра, и, если б удалось, все оказалось бы гораздо проще. Потом, как это бывает в ссоре, посыпались взаимные упреки. Она упрекала меня в том, что я все откладываю на потом, что занимаюсь демагогией не только на работе, но и дома. Я

ее – в том, что она витает в облаках, думает, что достаточно захотеть и всё тебе поднесут на блюдечке. Мы кричали и оскорбляли друг друга. Господи, как вспомню, что моими последними словами были: «Забирай свою тощую задницу и возвращайся в свой Краков...» – Будник тихонько зарыдал.

Шацкий ждал, покуда тот успокоится. Ему захотелось курить.

– Напоследок она взяла куртку и молча вышла. Я не побежал за ней, не стал искать, я был зол. Я не хотел извиняться, не хотел каяться, я хотел остаться один. У нее масса знакомых, и я подозревал, что она пошла к Барбаре Соберай. Я не созванивался с ней ни в понедельник, ни во вторник. Я читал, смотрел телевизор, пил пиво. Во вторник вечером мне уже стало тоскливо, фильм с Редфордом был неплохой, но смотреть его одному казалось как-то досадно. Гордость не позволила мне позвонить ей вечером, я подумал, утром пойду к Барбаре Соберай или позвоню ей. Все эти факты я утаил, поскольку испугался, что ссора и тот факт, что я ее не искал, будут восприняты следственными органами не лучшим образом, и всю вину припишут мне.

– А вам не пришло в голову, что эти факты могут иметь значение для следствия? Найти убийцу – для вас не суть важно?

Будник снова как-то странно пожал плечами.

– Нет. Теперь для меня всё не важно.

Шацкий дал ему прочесть протокол, а сам размышлял,

задержать его или нет. Обычно в подобных ситуациях он прислушивался к голосу интуиции. Но тут его внутренний компас оплошал. Будник был политиком, провинциальным, но политиком, то есть профессиональным лжецом и темной. И Шацкий был уверен, что по каким-то соображениям, о которых он, по-видимому, еще узнает, тот не сказал ему всей правды. Тем не менее горе его казалось неподдельным. У Шацкого было немало возможностей наблюдать разные эмоции – и полное самозабвения отчаяние из-за невосполнимой утраты, и полное страха отчаяние убийцы, – и он научился их различать.

Шацкий вытащил из ящика папку с фотографиями и в протоколе предъявления предмета для опознания заполнил шапку.

– Вы когда-нибудь видели этот инструмент?

При виде снимка бритвы-мачете Будник побледнел, а Шацкий изумился, как такое возможно при его и без того меловом цвете лица.

– Неужели это...

– Ответьте на вопрос.

– Нет, я никогда не видел такого инструмента.

– Знаете ли вы, для чего он служит?

– Не имею понятия.

Ближе к шести вечера в солнечном свете наконец-то появилась теплая нотка – робкий признак весны. Прокурор Теодор Шацкий, подставив лицо солнцу, пил колу из банки.

После допроса Будника он встретился с Вильчуром и попросил разыскать всех, кто мог бы их видеть на Пасху. В костеле, на прогулке, в закусочной. Нужно подтвердить каждую деталь показаний, допросить каждого знакомого. Кузнецов, услышав половину таких распоряжений, давно бы пришел в бешенство, а инспектор Вильчур только кивал своей высушенной головой; в черном костюме он выглядел как смерть, принимающая заказ на жатву. Шацкий чувствовал себя неловко в присутствии старого полицейского.

Теперь, сидя на лавочке у здания полиции, он поджидал Соберай, чтобы вместе с ней выбраться на романтическую прогулку в сандомежскую больницу. Кстати, его сильно удивило, что у них есть своя лаборатория патоморфологии, он был уверен, что придется ехать в Кельцы или Тарнобжег.

Услышав клаксон, он лениво приоткрыл один глаз. Соберай махала ему из окна «опеля». Он вздохнул и неторопливо поднялся со скамейки.

– Я думал, мы пройдемся.

Почему так происходит: чем меньше дыра, тем чаще там ездят на машине?

– Сорок пять минут в одну сторону? Вряд ли бы мне захотелось. Даже с вами, пан прокурор.

«Да за сорок пять минут я до Опатова дойду, заглянув по дороге в каждую деревеньку», – уже крутилось на языке у Шацкого, но он молча сел в машину. Там пахло освежителями и автокосметикой; была она на ходу, надо полагать, не первый год, а выглядела так, будто только вчера выехала из салона. Пепельница пуста, из динамиков доносится легкий джаз, нигде ни крошек, ни бумажек. Выходит, детей нет. Но замужняя, окольцованная, лет этак тридцать пять. Не хотят? Или не могут?

– Почему Будники не могли иметь детей?

Она взглянула на него подозрительно. Машина двигалась по Мицкевича к выезду на Варшаву.

– Это он не мог, так ведь? – поторопил ее с ответом Шацкий.

– Правда. Почему вы спрашиваете?

– Печенкой чую. Не знаю, почему именно, но это существенно. Будник рассказывал об этом как бы мимоходом, с какой-то легкостью – так говорят мужчины, которые столько раз слышали, что это ничего не значит, что почти поверили.

Она посмотрела на него внимательно. Миновали здание суда.

– Мой муж тоже не может иметь детей. И я ему тоже повторяю, что это не имеет значения, что важно кое-что другое.

– Ой ли!

– Конечно, не в той степени.

Шацкий замолчал, проехали круговой перекресток, оставив позади современный костел – неприглядный, мрачный, гнетущий, который не вязался ни с городом, ни с окружением и был похож на грудку красного кирпича – такие врата в ад.

– А у меня одиннадцатилетняя дочь. Живет в Варшаве с мамой. Мне кажется, она с каждым днем все больше отдалается от меня.

– И все равно я вам завидую.

Шацкий ничего не сказал, он ожидал чего угодно – только не такого разговора. Доехали до кольцевой дороги (вот уж и впрямь громкое название!) и свернули к Висле.

– Мы с вами начали не лучшим образом, – произнесла Соберай, не отрывая взгляда от дороги. Шацкий тоже не смотрел на собеседницу. – Я вчера об этом думала, мы – пленники стереотипов. Я для вас – глупая провинциалка, вы для меня – самонадеянный нахал из Варшавы. Можно, конечно, и дальше играть в эти игры, но только мне на самом деле хочется найти убийцу Эли.

Она съехала с кольцевой в боковую улочку и остановилась возле большого здания больницы в форме буквы «Г» – шесть этажей, восьмидесятые годы. Лучше, чем он предполагал.

– Можете смеяться, мол, захолустная экзальтация, но Эля отличалась от других. Она была ярче, чище, не чета осталь-

ным – это трудно объяснить. Я знала ее, знала всех, кто ее знал, знаю наш город даже лучше, чем хотелось бы. А вы, ну что ж, не буду темнить, мне известно, сколько раз вам предлагали перейти в окружную или в апелляционную прокуратуру, какую предсказывали карьеру. Известны ваши дела, известны и легенды об убеленном сединами Теодоре Шацком – рыцаре Фемиды.

Они наконец-то взглянули друг на друга. Шацкий протянул руку, Соберай деликатно ее пожала.

– Теодор.

– Баська.

– Ты запарковалась на месте для инвалидов.

Из бокового кармана дверцы Соберай вынула табличку с голубым логотипом человечка в коляске и положила на приборный щиток.

– Сердце. Два инфаркта. Скорее всего, я бы и так не смогла родить.

– Вот бы где поселиться Артуру Жмиевскому²⁶, – заметил Шацкий, осматривая чистенькое приемное отделение сандомежской больницы. – Мог бы ездить на велосипеде из своего прихода напрямик до Лесной Гуры.

– Он здесь бывает, – отозвалась Соберай, спускаясь вместе с Шацким по лестнице в подвал. – Когда снимали «Отца Матеуша», он так наклюкался, что не обошлось без госпитализации. Нужно было выровнять уровень электролитов в крови. Об этом все знают, ты что, не слышал?

Он сделал рукой неопределенный жест. Что сказать? Что не слышал, потому что не общался с людьми, потому что в одиночестве переживал депрессию? Шацкий перевел разговор на больницу. Он и вправду был удивлен – ожидал увидеть заплесневелые старые корпуса, а тут пусть и чувствовались восьмидесятые годы, но внутри все было совсем неплохо. Скромно, мило, врачи улыбаются, сестрички молоденькие – можно подумать, что снимают рекламный ролик для Национального фонда здравоохранения. Даже зал для вскрытий не вызывал отвращения. По сравнению с варшав-

²⁶ *Артур Жмиевский* – польский актер. Одновременно снимался в двух сериалах – «Отце Матеуше» (в Сандомеже, где его герой ездит по своему приходу на велосипеде) и «В радости и в печали» (съемки проходили неподалеку от Сандомежа, вблизи Лесной Гуры).

ским заваленным трупами моргом сандомежский выглядел примерно как пансионат по сравнению с бараком в исправительно-трудовом лагере. На одном из столов лежало алебастровое тело Эльжбеты Будник.

Прокурор Теодор Шацкий попытался думать о ней как о жене Будника, но ничего не получалось. Он никогда никому не признавался, что, глядя на мертвое тело, не думает о мертвеце как о некогда живом человеке, для него это всегда кусок мяса – такой подход не дает сойти с ума, хоть со смертью он сталкивался не раз и, казалось бы, мог к ней привыкнуть. Он знал – то же происходит и в голове патологоанатомов.

Шацкий смотрел на тревожащее своей белизной тело и, естественно, различал подробности – темно-русые волосы, слегка вздернутый носик, узкие губы. Была она миниатюрной: маленькие ступни, узкие бедра с торчащими костями таза, небольшая грудь. Родила ли детей, выглядела бы, пожалуй, по-другому. Была ли красивой? Почему знать. Труп – он и есть труп.

Взгляд его вновь и вновь возвращался к горлу, рассеченному почти до самого позвоночника, – по мнению евреев, а не исключено, и арабов тоже, это был самый гуманный способ умерщвления. Значит ли, что она не терпела мук? Он сильно сомневался, да и гуманность кошерной бойни была для него неочевидной.

Хлопнула дверь, Шацкий повернулся, и ему чудом удалось, во-первых, скрыть изумление, а во-вторых, не попя-

титься назад. Вошедший человек в длинном анатомическом фартуке выглядел как представитель неизвестной расы гуманоидных великанов. За два метра ростом и чуть ли не столько же в плечах, телосложение медведя; своими ручищами он мог бы закидывать в топку уголь быстрее, чем обычный человек лопатой. К огромному телу крепилась голова с добродушным румяным лицом и забранными в хвост соломенными волосами. Этаким мясник из многовековой династии мясников – у таких умение разрубать туши сидит в генах. Разве нашлось бы для него лучшее место?

Преодолев шок, Шацкий сделал шаг вперед и протянул руку.

– Теодор Шацкий, районная прокуратура.

Великан робко и мило улыбнулся, заключив ладонь Шацкого в свою теплую мясистую лапу.

– Павел Мясницкий, очень приятно. Бася о вас рассказывала.

Он не понял, шутка это или нет, но на всякий случай принял за чистую монету. Великан вытащил из кармана фартука резиновые перчатки и, подходя к столу, с треском их натянул. Прокуроры уселись на пластиковых стульчиках возле стены. Врач хлопнул в ладоши – ударная волна докатилась до дверей, и они содрогнулись.

– Мать честная, да она как раз с моей малышкой представление делала.

– Мне очень жаль, Павел. Я бы отвезла ее в другое место,

но у меня к тебе больше доверия. Впрочем, если для тебя... я знаю, ты был знаком с Элей...

– Это уже не Эля, – ответил Павел, включая диктофон. – Шестнадцатое апреля две тысячи девятого года, внешний осмотр и вскрытие тела Эльжбеты Будник, сорок четыре года, проводит Павел Мясницкий, судмедэксперт, в лаборатории патологоанатомии Сандомежской больницы. Присутствуют прокуроры Барбара Соберай и Теодор Шацкий. Внешний осмотр...

Хорошо, что Мясницкий заслонял собой многое из того, что делал, – Шацкий и Соберай могли спокойно поговорить. Да и смысла мучить великана расспросами не было, он пока еще знал никак не больше их. Шацкий вкратце изложил Соберай свой разговор с Будником. Разумеется, Эльжбета не встретила с ней ни в понедельник, ни позднее; в последний раз они разговаривали по телефону в воскресенье, когда поздравляли друг друга с праздником.

– Откуда ты знал, что он врет? Шестое чувство?

– Опыт.

Потом рассказал о своей переписке с журналом «Лезвие». По мере того как он излагал подробности, она бледнела все больше, а ее глаза округлялись.

– Скажи, что это шутка, – выдавила она наконец из себя.

Он покачал головой, удивившись ее реакции.

– Ты понимаешь, что это значит?! – Ей пришлось повысить голос – рядом работала пила, Мясницкий вскрывал

грудную клетку.

– Тот, кто подбросил нож, надеялся, что дело просочится в СМИ и начнется очередное польско-еврейское кликушество, а в такой обстановке нам будет труднее работать, потому что большую часть времени придется проводить на пресс-конференциях. Спокойно, я и не через такое прошел. Газетам и телевидению любая тема наскучивает на третьи сутки.

Соберай крутила головой. Скривилась, услышав неприятный хруст, – Мясницкий перепиливал ребра.

– Тут обычным кликушеством не пахнет, – заметила она. – Здесь целыми неделями будут топтаться журналисты. В Сандомеже, как нигде, живо предание о заклинании кровью, а польско-еврейские взаимоотношения принимают здесь разные формы – от мирного сосуществования до обвинений и кровавых погромов: последние антисемитские выступления случились тут сразу же после войны. Если кто-то, не дай Боже, произнесет «ритуальное убийство», нам крышка.

– Ритуальное убийство – сказка, – спокойно ответил Шацкий. – Каждый знает, что это сказка, ею пугали детей, чтобы были послушными, иначе придет плохой еврей и съест их. Не будем впадать в истерику.

– Не такая уж и сказка. Еврей – не волк и не злая царица, это реальный человек, которому можно предъявить претензии. Знаешь, как все выглядело? Мать-христианка не усле-

дила за ребенком, а потом в крик: дескать, евреи похитили и убили. Слово за словом, и оказывалось, что этих евреев мало кто тут любит, кто-то им задолжал, а поскольку нашелся повод – неплохо бы и поджечь детоубийцам пару лачуг и мастерских.

– Хорошо, тогда не сказка, а давно минувшая история. Евреев и мастерских уже нет, обвинять некого, поджигать нечего. Тот, кто подбросил эту бритву, наверняка хочет, чтобы мы пошли по этому следу.

Соберай тяжело вздохнула. Тем временем Мясницкий монотонно диктовал для протокола, что все поочередно вынутые им внутренние органы не имеют ни следов травм, ни патологических изменений.

– Проснись, Теодор. Сандомеж – международная столица ритуального убийства. Место, где обвинения в похищении детей и связанные с этим погромы случались так же регулярно, как времена года. Место, где зверская месть католиков вершилась под церковными хоругвями, где Церковь ее почти узаконила. Место, где до сегодняшнего дня в кафедральном соборе висит холст, изображающий умерщвление евреями католических детей. Как часть цикла о христианском мученичестве. Место, где сделано все, чтобы эту мрачную часть истории замести под ковер. Господи, как подумаю... просто омерзительно...

Шацкий смотрел на секционный стол, теперь Мясницкий не прикрывал его собой, а на боковом столике вскрывал

внутренние органы Эльжбеты Будник. В отношении увиденного Шацкий не употребил бы слово «омерзительно» – мертвое тело со свисающей по бокам кожей, выпирающими из грудной клетки белыми окончаниями ребер было ужасно, но не омерзительно. Смерти в ее завершенности свойственна физиологическая элегантность. И спокойствие.

– Омерзительно, что кто-то пытается это связать с Элей и Гжесеком.

Он посмотрел на нее вопросительно.

– Гжесек всю жизнь воевал с этим суеверием, считал необходимым говорить о нем как о черной странице нашей истории, а не как о своего рода эксцентрической традиции предков. Долгие годы добивался, чтобы сняли холст или, по крайней мере, повесили рядом памятную доску с надписью, что эта картина остается здесь как предостережение, как напоминание о польском антисемитизме и о том, к чему приводит ненависть.

– И что?

– Церковь подобные дела устраивает по-своему. Холст не сняли, доску не повесили. А когда об этом заговорили во всеуслышание, закрыли занавесочкой, на занавесочку нацепили портрет Папы Римского и сделали вид, что проблема решена. Будь это не полотно, а мозаика на полу, уж точно прикрыли бы ковриком.

– Очень интересно, но не суть важно. Тот, кто подбросил ритуальный нож, хочет, чтобы мы этим занялись. Хол-

стами, историями, легендами. Чтобы мы таскались по костелам, торчали в читальнях, толковали с учеными. Это ложный след, не сомневаюсь. Я лишь боюсь, что дезинформация хорошо продумана, а тот, кто готов разбиться в лепешку, дабы завести нас в дремучий лес, может оказаться настолько дошлым, что нам преступления не раскрыть.

Подошел Мясницкий, держа в огромной лапище пластиковый пакет с небольшим металлическим предметом. Фартук на нем был поразительно чист, почти без следов крови.

– Мой ассистент ее зашьет. Выйдем-ка, надо поговорить.

Кофе, который они пили из пластиковых стаканчиков, был настолько отвратителен, что рано или поздно все пациенты должны были оказаться в отделении желудочно-кишечных заболеваний. В этом Шацкий не сомневался. Мясник – у него и вправду было такое прозвище – переоделся. В серой водолазке он выглядел как большой валун с розовым мячом наверху.

– Я вам потом все в точности опишу, но дело практически ясно. Кто-то перерезал ей горло очень острым, прямо-таки хирургическим инструментом. Но не скальпелем и не лезвием, поскольку разрез очень глубокий. Большая бритва, которую вы мне показывали на фотографиях, тут бы пришлась к месту. Произошло это, когда она была еще жива, но, видно, потеряла сознание, иначе бы защищалась, и не выглядело бы всё, – он подыскивал слово, – так аккуратно. Ясно, что была жива, поскольку в ней нет крови. Прошу прощения за

подробности, но если человек жив, то в момент рассечения шейной артерии в кровеносной системе еще какое-то время сохраняется давление, благодаря чему можно выпустить из организма всю кровь. Эта кровь запеклась у нее в ушах – наверно, в момент смерти она висела вверх ногами, как, – на лице у Мясника появилось болезненное выражение, – как, прошу прощения, корова на бойне. Что за выродок?! А потом он не пожалел усилий и обмыл ее. Она, поди, была вся в крови.

– Нужно искать кровь, – решил Шацкий вслух.

– И еще стоило бы узнать, что это такое, – сказал Мясник, протягивая им пластиковый пакет. Шацкий присмотрелся, сглотнул слюну – от пакета исходил мясной запахок прозекторской. Внутри лежал металлический значок около сантиметра по диагонали – такие носят на куртке или лацкане пиджака. Но не с булавкой, а с толстым штифтом, на который изнутри накручивается небольшая гайка. Выглядел значок старым. Соберай склонилась, чтобы рассмотреть вещественное доказательство, и рыжие волосы защекотали Шацкому щеку. Они пахли ромашкой. Прокурор взглянул на лоб в морщинках сосредоточенности, на обилие веснушек, которым удалось вырваться из-под макияжа на свободу. Было в этом что-то трогательное. Рыжая девчонка, которая давно выросла, но все еще прячет веснушки на носу.

– Я где-то это видела, – заметила она. – Не помню где, но наверняка видела.

Значок был красным, прямоугольным. Без каких-либо надписей, один лишь белый символ в виде стилизованной буквы S: два коротких отрезка примыкали к длинному под прямым углом – идеальная половинка свастики с той лишь разницей, что от нижнего короткого конца вверх отходил маленький отросток.

– Она его сжимала в кулаке. Пришлось сломать пальцы, чтобы достать, – сказал Мясник как бы самому себе, мягкий взгляд его голубых глаз остановился на чем-то за окном, по всей видимости, на одной из старых башен Сандомежа.

Зато Шацкий засмотрелся на симпатичный профиль недотроги Соберай, на морщинки вокруг глаз и в уголках рта, которые говорили, что она любила смеяться и что у нее сложилась жизнь. И он задумался: почему Буднику не хотелось, чтоб его допрашивала Соберай? Чтоб не причинить ей боль? Бред. Чтоб она чего-то не заметила? Тогда чего именно?

Когда в морге ассистент Мясника запихивал скомканные газеты в белое мертвое тело любимицы всего Сандомежа, прокуроры Теодор Шацкий и Барбара Соберай сидели на диване в кабинете своей начальницы и жевали по третьему куску шоколадного торта, хотя и второй ели без всякого удовольствия.

Они рассказали о допросе Будника, о вскрытии, о значке со странным символом и ноже, который, по всей видимости, был инструментом для ритуального убоя. Лучась материнской улыбкой, Мися внимала им, не прерывала и лишь изредка – чтобы помочь повествованию – вставляла нужное словечко. Только они закончили, как она зажгла ароматическую свечу. Благоухание ванили вместе с наплывающими из окон сумерками и янтарным светом лампы на рабочем столе породило уютную праздничную атмосферу.

Шацкому захотелось чаю с малиновым соком, но он засомневался, не зайдет ли слишком далеко, если попросит.

– Когда наступила смерть? – поинтересовалась Мишик, извлекая крошки из своего мягкого, вскормившего, надо полагать, не одного ребеночка бюста. Шацкий сделал вид, что не замечает этого.

– Тут не все ясно, разброс довольно большой, – отозвался он. – Как минимум пять-шесть часов, если принять во

внимание трупное окоченение. Ее убили не позже часа ночи вторника. А самое раннее? Патологоанатом утверждает, что смерть могла наступить и в Великий понедельник. Кровь из тела была выпущена, что не позволило сделать вывод на основании трупных пятен. Стоял жуткий холод, а значит, и процесс гниения еще не начался. Узнаем больше, если окажется, что кто-то ее видел. А пока принимаем в расчет время от момента, когда она вышла из дома в понедельник, до полуночи следующего дня. Предполагая, естественно, что Будник говорит правду. С таким же успехом она могла быть мертвой уже в воскресенье.

– А он говорит правду?

– Нет. Не знаю точно, когда он врет, но всю правду наверняка не говорит. Сейчас он под постоянным наблюдением, посмотрим, что покажет обыск дома и участка. Пока что он наш главный подозреваемый. Уже один раз нас провел, да и алиби у него нет. Может, она и в самом деле была святой, но у них явно не все хорошо складывалось.

– Люди часто так болтают, если у кого-то жизнь удалась, – запротестовала Соберай.

– В любой болтовне есть доля правды, – парировал Шацкий.

– А другие версии?

Соберай полезла в свои бумаги.

– На этой стадии мы исключаем убийство с целью грабежа или при изнасиловании. Следов насилия нет. Я прове-

ряю всех, с кем ей приходилось устраивать мероприятия, семью, знакомую артистическую среду. Особенно последнее. Эля была связана с театром, а, согласитесь, в этом убийстве есть что-то от спектакля.

– Неправда, – прокомментировал Шацкий. – Но пока это не важно. Прежде всего ищем кровь. Те несколько литров, что из нее выпустили. Полиции предстоит перетряхнуть все общественные места в городе и за городом, да и каждая частная квартира, появившись она в следствии, будет проверяться под этим углом.

– Коль скоро мы заговорили о крови... – Мищик сделала паузу и вздохнула: говорить ей об этом – нож острый. – Что с темой ритуального убийства?

– Само собой, отловим всех евреев из ближайших окрестностей, – с каменным лицом произнес Шацкий.

– Перестань шутить, Теодор, – перебила его Соберай.

– Вот уж не думала, что вы так быстро перейдете на ты. Категорически запрещаю вам общаться с прессой, особенно это касается нашего прокурора-шутника. Всех отсылайте ко мне, а я уже постараюсь, чтобы наше вонючее яйцо не разбилось.

Шацкий на сей счет придерживался иного мнения: не за тем кто-то так старался, чтобы дело можно было удержать в тайне. Он готов был поспорить на хорошую сумму, что утром здесь не протиснешься между машинами телевизионщиков. Но поскольку Мищик берет СМИ на себя, что ж – не

его это дело или, как говорится, не его цирк и не его обезьяны. Все эти мысли он оставил при себе, отметив, тоже про себя, что начальница его продолжила многовековую польскую традицию, предписывающую трудные вопросы замечать под ковер. В Церкви она бы сделала молниеносную карьеру.

Олег Кузнецов был совершенно иной. Огромный, развязный, жизнерадостный, норовивший все сказанное сдобрить какой-нибудь глуповатой шуточкой. С Кузнецовым они водили знакомство не один год, вместе работали, вместе пили, общались домами. Кузнецов был настоящим другом, и прокурор Теодор Шацкий любил его как брата. Вот из-за всего этого он не мог да и не хотел полюбить инспектора Леона Вильчура.

Да и сам инспектор Вильчур слабо годился на роль приятеля. Они условились встретиться в «Ратушной» – уродливой забегаловке в полуподвале одного из домов на Рыночной площади, за многие десятилетия провонявшей табачищем, полной смурных типов и еще более смурных официантов. Шацкий был уверен, что на кухне сомнительные повара сомнительно разделявают сомнительное мясо, поэтому ограничился кофе с творожником. От творожника несло старым диваном, на который садились все кому не лень, но который ни у кого не было охоты почистить. Кофе был заварен в чашке.

Вильчур напоминал демона. В полутьме и сигаретном дыму его глубоко посаженные желтоватые глаза болезненно светились, острый нос бросал тень на пол-лица, а щеки западали всякий раз, когда он жадно затягивался.

– Может, принести по рюмочке? – Голос у официанта был гробовой, словно речь шла о рюмочке свежей крови.

Они отказались. Вильчур подождал, когда официант отойдет, и заговорил, время от времени заглядывая в лежащие перед ним бумаги или маленький ноутбук, который на первых порах удивил Шацкого. Инспектор выглядел скорее как человек, которого следовало бы побереечь от объяснений, что такое эсэмэски.

– Мы знаем версию Будника, теперь ее можно дополнить другими показаниями. В воскресенье они

были в соборе около шести вечера, вышли до начала мессы, то есть до семи. На это у нас два независимых свидетеля. Потом гуляли, в пятнадцать минут восьмого их зарегистрировала камера на Мариинской.

Вильчур развернул ноутбук в сторону Шацкого. На коротенькой видеозаписи проступили невыразительные силуэты идущей под руку пары. Шацкий увеличил изображение – он впервые видел Эльжбету Будник живой. Была она того же роста, что и муж, темно-русые волосы рассыпались по плечам спортивной куртки, на голове ни шапки, ни шляпы. Она, видимо, что-то рассказывала, одной рукой живо жестикулировала, в какой-то момент остановилась, чтобы подтянуть голенище сапожка, за это время Будник прошел вперед несколько шагов. Она догнала его бегом, подскакивая как девочка, а не взрослая женщина. Рядом с серьезным Будником в коричневом демисезонном пальто и фетровой шляпе она вы-

глядела как его дочь, а не жена. Эльжбета догнала мужа на границе обзора камеры и всунула руку ему в карман. Потом они исчезли.

– Все как надо, правда? – Вильчур оторвал фильтр от сигареты.

Шацкий догадывался, что тот имел в виду. Между ними не чувствовалось напряженности, ссоры или упорного молчания. Обычная пара на прогулке в пасхальный вечер. Что свидетельствовало в пользу версии Будника – мол, проводили праздники как обычно, только потом разругались, она вышла и... и что дальше?

– А в понедельник или во вторник камера ее не поймала? – спросил он.

– Нет, я посадил двоих ребят, чтобы просмотрели запись с того момента и до обнаружения тела вчера утром. Минута за минутой. Ее нигде нет. Проверили и эту камеру, и вторую на замке – если нужно выйти с Кафедральной в город, волей-неволей пройдешь мимо одной из них. Другой путь в сторону Вислы – только через кустарник или сад при соборе.

– А соседи?

– Ноль. Но взгляните-ка на это.

Другая видеозапись была с камеры на Рыночной площади, охватывающей участок с ресторанами «Башмачок», «Староградская», «Тридцатка» и кофейней – Шацкий забыл ее название, – он никогда туда не заглядывал. Цифры показывали, что был вторник, шестнадцать с минутами. Ничего не про-

исходило, шныряли одиночные прохожие. Потом распахнулись двери «Тридцатки», и из них вышел Будник, в прозрачном полиэтиленовом пакете лежали два пенопластовых контейнера для еды. Он энергично направился в сторону Маринской и быстро исчез из поля зрения камеры.

Шацкий прекрасно понимал, зачем Вильчур показал ему этот фильм.

– Интересно, правда? – Старый полицейский откинулся на стуле, втиснувшись в самый темный и самый дальний угол помещения.

– Очень. Ведь если правда, что жена ушла от него в понедельник...

– То зачем он нес ей обед во вторник?

– Чтобы совпадало с его первой версией, абсолютно нереальной, от которой он и сам отказался.

Вильчур кивнул – в темноте был виден лишь бледный нос. Шацкий задумался. Он выкурил сегодня только одну сигарету, получается, что до дневной нормы оставалось еще две. Интуиция подсказывала приберечь их на встречу с Татарской, к тому же само пребывание в этом помещении равносильно выкуренной пачке. Но он все же вынул сигареты, Вильчур предложил огонь. Даже если и удивился, что прокурор курит, виду не показал. И молчал, пока Шацкий прокручивал в голове всевозможные сценарии. Пазлы плясали в его воображении, но все они были из разных комплектов, и он чувствовал, что пытается соединить их через силу.

Предположим, что в понедельник они и впрямь поцапались. Она вышла, злая, не замеченная камерами, пошла через поля в сторону Вислы. Там на нее напал маньяк и убил. Только почему на теле погибшей нет никаких признаков борьбы, не видно, что она пыталась вырваться, нет следа от удара? Предположим, в понедельник они так сильно поцапались, что Будник убил ее. Стоп, на теле нет следов. Предположим, вечером он задушил ее подушкой. В подвале выпустил кровь. Стоп, в доме нет следов крови. В таком случае он вывез ее в уединенное место, там убил... Стоп, камеры не зарегистрировали, чтобы Будник куда-либо выезжал на машине. Вынес плотно завернутую через кустарник в уединенное место, там убил, выпустил кровь. Во вторник для отвода глаз пошел на работу, купил два обеда, чтобы иметь алиби. Ночью – снова через кусты, перенес ее на другой конец Старого города, там и оставил. Возможно такое? Нет, не лезет ни в какие ворота.

Тогда, может, у него уже давно созрел план. Был мотив, о котором они покуда ничего не знают. Работает в горсовете, знает всю систему городской безопасности, знает, где висят камеры. В воскресенье прошелся перед камерой, потом затащил ее на прогулку поблизости от места, где найдено тело. Чтоб не таскаться с трупом по всему городу. Оглушил, убил, обескровил. Когда все было кончено – подбросил.

– Как ни крути – ни хрена, правда? – заскрипел из темноты Вильчур.

Шацкий поддакнул. Ни мотива, ни доказательств, а оружие преступления стерильно, как подготовленный к операции хирургический инструмент.

– А вот еще одна запись, – Вильчур пододвинул прокурору ноутбук.

Экран выглядел абсолютно белым, силуэты домов настолько бледны, что практически неразличимы, и Шацкому вспомнилась *Silent Hill*²⁷.

– Где это?

– На Еврейской. Камера висит на стене синагоги. – Шацкий отметил, что Вильчур не сказал: «на стене архива». – И смотрит в сторону замка. Направо – автостоянка, за ней кусты, в которых нашли Будник. Запись сделана в среду утром, минут за пять-шесть до того, как нас оповестили. Смотрите-смотрите.

Шацкий смотрел. Проходили секунды, минуты, туман понемногу рассеивался, становилось всё яснее: было уже видно, что камера висит над улицей, а не погружена в таз с молоком. Вдруг внизу экрана появился черный полукруг, Шацкий вздрогнул. Полукруг двинулся вперед, вниз по улице, и по мере удаления от камеры становилось ясно, что это туля какой-то шляпы вроде котелка, только с очень широкими полями. Под шляпой был длинный-предлинный черный плащ – не видно ни ног, ни обуви. Жутковатая сцена – черный призрак в шляпе какое-то время плыл в молоке и через

²⁷ *Silent Hill* – компьютерная игра и фильм ужасов (2006).

минуту совершенно исчез. Шацкий прокрутил запись назад и нажал паузу. Как бы хотелось, чтобы память воскрешала совсем иное, но ничего не попишешь – в тумане, застилающем Еврейскую улицу в Сандомеже, плыл призрак хасида.

Он взглянул на Вильчура.

– Вам, конечно, известно, что раньше было в тех кустах, где нашли Будникову, – закрипел полицейский.

– Городская стена?

– Во-первых, она выше, а во-вторых, это было давно. Тут находился *киркут* – старое еврейское кладбище. Ее тело лежало в самом его центре.

Холодный вечерний воздух был как лекарство, как противоядие от «Ратушной». Шацкий вдохнул полной грудью, Вильчур обвязал шею шарфом и закурил сигарету. Сзади хлопнула дверь, из нее вышел бездомный и неуверенно посмотрел в их сторону.

– Гражданин начальник...

– Оставь меня в покое, Гонсиоровский. Который-то раз? И всегда кончается одинаково, так ведь?

– Я знаю, гражданин начальник, но...

– Что но?

– Но уже неделя, как Анатоля нет.

– Гонсиоровский, помилуй. Полиция бродяг не разыскивает, она их гоняет. Тем более из другого повята.

– Но...

– Не о чем говорить, прощай.

Мужчина спрятался за дверью, Шацкий вопросительно взглянул на Вильчура, но тот не спешил с объяснениями. И Шацкий решил, что ему совсем необязательно вдаваться в болячки местной полиции. Сдержанно попрощались.

– Нужно разыскать кровь Эльжбеты. Где она может быть? – Шацкий застегнул воротник плаща. Снова похолодало.

– В маце, – пробормотал Вильчур и растворился во мраке.

Окна были открыты, через них сочились холодок и благоухание ночи. На стенах спали оленье рога, а под низкими стеклянными столиками, на вешалках и зеркалах притаились голубые разводы. Лицо в зеркале замаячило как со дна озера. Ясно, оставаться здесь нельзя, с каждым движением минутной стрелки стоящих в прихожей часов риск становится все больше, а тело вопреки разуму все отчаянней норовит броситься наутек. Но надо выдержать до субботы. Если выдержать до субботы, если до воскресенья ничего не случится и если в воскресенье вечером все еще можно будет дышать воздухом свободы, тогда это воскресенье воистину заслужит, чтобы его называли Воскресеньем Божьего Милосердия.

Купить бутылку приличного вина в самом красивом польском Старом городе оказалось чем-то несбыточным. На полках в убогих магазинчиках стояла какая-то кислятина, и в конце концов он решил, что лучше всего сбежать по ступенькам и на автозаправке у кольцевой купить бутылку «фронтеры». Сказано – сделано. Хотел прихватить фирменный Ведловский торт – это казалось уместным варшавским акцентом, – но, увы, торта не было, и он взял коробку конфет, которая всем своим видом вопияла, что купили ее на автозаправке. И пачку презервативов. Взбежал наверх, стараясь особо не вспотеть. Интуиция подсказывала ему, что еще сегодня она выступит ню. Другое же полушарие – рациональное – порывалось предупредить его, что нечто подобное интуиция подсказывает каждому представителю сильного пола и что чаще всего предсказание не сбывается.

И вот он стоит в гостиной судьи Марыси Татарской, в доме на Жеромского, и отказывается верить своим глазам.

Во-первых, обстановочка. Посещая сандомежские квартиры, он уже понял, что тут ему не хватает «Икеи». В Варшаве трудно себе представить типичную квартиру представителя среднего класса, не обставленную хотя бы наполовину мебелью этой шведской фирмы. Здесь же в лучших домах царил краковско-мещанский стиль – громоздкие буфеты и

помутневшие зеркала, множество тканей и тонны пыли, способной убить аллергика. Граждане посостоятельней, но без гербовой родословной роскошествовали в виллах с обшитыми деревом стенами и мебелью для отдыха. Беднота из панельных домов обзаводилась коричневыми стенками и кое-какой мебелью с базара. От Татарской он ожидал запыленного мещанства, максимум – пастельной современности, подделки под «Икею». А увидел... Было в этом помещении что-то от больничной палаты. Белизна, хром, зеркала и стекло. В гостиной всё белым-бело, даже книги на полках аккуратно обернуты в белоснежную бумагу, а на корешках от руки выведены заглавие и автор.

Во-вторых, туалет хозяйки. Судья Марыся Татарская предстала в карминно-красном платье, в каком показываются на коктейлях, и ярко-красных шпильках. Он, само собой разумеется, не ожидал увидеть ее в спортивной блузе и вьетнамках, но этот туалет был уж слишком роскошен для обычного вечера за бокалом вина. В белом антураже она походила на кровавое пятно, но, вполне возможно, эффект был заранее продуман. Будучи уверен, что она за ним наблюдает, Шацкий только мысленно пожал плечами. Ему нравилось, когда все неброско и обычно, гламурность не производила на него впечатления и могла только вызывать сожаление, что существуют люди, способные посвятить столько времени и усилий несущественному.

В-третьих, вид из окна. Да-да, в первую очередь именно

он. Ибо вместо садика там было кладбище. В буквальном смысле слова. Проходя или проезжая по улице Мицкевича, Шацкий видел его с другой стороны, со стороны главного входа. Красивый, поросший деревьями некрополь тянулся почти до расположенной ниже улицы Жеромского. Здесь стояли мастерские каменотесов, а еще – дом судьи Татарской. Гостиная на втором этаже находилась чуть выше надгробий, возле самой стены. Было еще светло, и Шацкий занялся чтением высеченных в камне фамилий. Его уязвило, что среди них оказалось трое сорокалетних. Каждому ровно по сорок. А ему до сорока оставалась пара месяцев.

Он обернулся. Судья сидела на диване, держа в руке бокал вина – белизна и кармин на фоне трупов. До чего же это наше, польское²⁸, подумалось Шацкому.

– *Memento mori*²⁹, – произнесла она, упершись в диван спиной красной туфли. Она была без трусиков.

²⁸ Национальный флаг Польши – двухцветный, бело-красный.

²⁹ Помни о смерти (*лат.*).

Глава третья

Пятница, 17 апреля 2009 года

Для католиков – шестой день Пасхальной октавы, у православных – Великая пятница, евреи начинают шабат после заката солнца, в Сандомеже это произойдет в 18:31. Согласно гипотезе американского профессора Молнара, сегодня исполняется ровно 2015 лет со дня рождения Христа, свечи на торте задувают также рок-музыкант Ян Борысевич, тренер Аполлоний Тайнер и Виктория Бекхэм. В Польше скука смертная: премьер Ярослав Качиньский получает поддержку, его правительство теряет поддержку, президент Лех Качиньский теряет поддержку. Валенса божится, что не был агентом, пусть его хоть кондрашика хватит, коли он врет. В мире: Белый дом изобличает Буша, с разрешения которого узников подвергали истязаниям, ЕС рапортует, что число совершенных и несовершенных терактов сокращается, шотландская полиция информирует, что в ее рядах работает десять сторонников джедаизма, а Ватикан выражает сожаление, что правительство Бельгии критикует Бенедикта XVI за то, что тот критикует использование презервативов. В кинотеатрах премьера фильмов «Вики Кристина Барселона» Вуди Аллена

и недооцененного «Генерала Нила»³⁰ с великолепным Ольгердом Лукашевичем в роли Фельдорфа. «Легия» в Гливицах выигрывает у «Пяста» 1:0 и выходит в лидеры. В воздухе чувствуется весна, в Сандоमेже максимальная температура – 20 градусов, большая облачность, льет дождь.

³⁰ «Генерал Нил» – Польская историческая драма, рассказывающая историю генерала Августа Фельдорфа (псевдоним – Нил), одного из руководителей Армии Крайовой, после войны арестованного органами безопасности ПНР и расстрелянного.

Прокурор Теодор Шацкий получил классическое образование и хорошо знал, что Эрот с Танатосом неразлучны, знал также легенду о Тристане и Изольде, читал Морштына³¹, «Березняк» и «Любовников из Мароны» Ивашкевича, был даже период, когда не засыпал до тех пор, пока не насытится эротической неутоленностью автора. Но никогда еще два этих элемента не сталкивались в его жизни лоб в лоб. Очнувшись он с кисловатым привкусом похмелья во рту и, прежде чем понял, где находится, осознал, что разбужен не жаждой, а невыносимой пульсирующей болью его мужского достоинства. По мере того как возвращалось сознание, отзывались и воспоминания вчерашнего вечера, когда Татарская мочалила его на разные способы, каких ему не приходилось видеть даже в порнофильмах. Удирать было глупо – она, видимо, многое себе наобещала; он же не хотел показаться невежей, поэтому в эротической вольтижировке, половина которой была дешевкой, другая половина – идиотизмом, но обе – одинаково изматывающими, он участвовал лишь некоторой своей частью. Другие бы расписывали происшедшее как секс-приключение, смаковали его годами и вспоминали по меньшей мере каждое десятилетие. Но Шацкому хотелось как можно быстрее обо всем этом позабыть. Ему безумно

³¹ *Иероним Морштын* – польский поэт XVI века, автор эротических стихов.

был нужен душ.

Он приоткрыл один глаз, побаиваясь, что судейское тело только и ждет, когда он продерет зенки, – и в очередной раз за этот визит изумился. В полуметре от его носа находилось окно, а в метре за ним – мокрая терразитовая плита с высеченной надписью: «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа»³². Шацкий закрыл глаз. Не хотелось думать, что просыпается он после скотских извращений на надгробии с цитатой из Евангелия, точнее – если он правильно помнил – из притчи о девах рассудительных и легкомысленных. Что бы ему не предстать вчера той легкомысленной девой, пред которой захлопнули дверь, не впустив на пирушку! Что бы судье Татарской не воскликнуть вчера: «Истинно говорю вам: не знаю вас!»³³ – и прогнать со двора. Он повернулся спиной к могиле пятидесятидвухлетнего Мариуша Выпыха с охранной цитатой из Евангелия от Матфея, но по другую сторону комнаты оказалось не лучше – лежа навзничь, с открытым ртом и лоснящимся, припухшим лицом, судья Татарская похрапывала, ее большая грудь сползала в подмышки. В свете апрельского дня гостиная уже не казалась такой белоснежной, а была скорее сероватой, как бы застиранной. Шацкий взглянул на часы, крепко выругался про себя и, не теряя времени, улизнул из похоронного дома разврата.

Спустя полтора часа, уже приняв душ, он сидел в проку-

³² Мф. 25,13.

³³ Мф. 25,12.

ратуре, надеясь, что неприятное пощипывание при каждом опорожнении пузыря вовсе не результат какой-то таинственной инфекции – видно, натер там себе. Странно, но у него была полная уверенность, что на его лице выписано каждое вчерашнее телодвижение. Он закрыл дверь кабинета и погрузился в мир символов. Спустя час он уже знал, что с символами дело обстоит не лучше, чем с ножами – число графических знаков, обществ, логотипов и посвященных им сайтов не поддавалось исчислению. Он решил систематизировать процесс поиска.

Начал, естественно, с символов еврейских, но вскоре разочаровался – их было не так много. Звезда Давида, мениора, свитки Торы, Скрижали Завета и – невероятно! – рука Фатимы³⁴. У него рука Фатимы ассоциировалась с арабами, но оказалось, что это также и еврейский амулет. Видно, с культурами как с супругами – чем больше похожи, тем чаще хватаются за грудки. Ему вспомнилось, как еще в Варшаве, в магазинчике «Халяль» он по ошибке назвал ягнятину кошерной. Хозяина от ярости чуть кондрашка нехватила. Шацкий внимательно просмотрел все буквы древнееврейского алфавита, но ничего даже близкого не нашел. Чтение каббалистической литературы было увлекательным, но ни на одном рисунке, ни на одной схеме, ни в одном из мистических журналов он не нашел ничего, что хотя бы отда-

³⁴ В иудаизме «Рука Мирьям», или «Яд а-хамеш», – защитный амулет в виде открытой ладони.

ленно походило на лежащий перед ним значок. Исследование еврейских сект привело его к христианству. Через христианство он дошел до креста и тысячи его видов, в какой-то момент даже предположил, что это, вероятно, какая-то разновидность православного креста, его половина или символ неизвестного ему монашеского ордена – оказалось, ни то ни другое.

От креста он пришел к свастике. Древний знак имел массу вариаций, он присмотрелся к каждой, поскольку значок, зажатый в кулаке Эльжбеты Будниковой, выглядел точь-в-точь как половинка нацистского символа, только с фиговой вонючкой внизу. Несколько минут он потерял на просмотр фотографий крайне аппетитной бенгальской актрисы Свастики Мукхерджи. И хоть еще утром зарекался, что никогда больше не займется сексом, – для нее бы сделал исключение. Подумать только, сколько же польских организаций использовало эмблему свастики еще до того, как стала она символом Гитлера и его идей по части арийского порядка. Особенно на Подхалье³⁵, тут она была очень популярным талисманом, а теперь ее либо стыдливо прикрывают, либо снабжают соответствующими объяснениями, чтобы туристы не вырубались от возмущения. Традиционно польская, славянская, свастика называлась *шварга*, или *шважица*. Продвигаясь в этом направлении, он дошел до славянских символов и усердно разглядывал знаки, появляющиеся, например, на гончарных из-

³⁵ Подхалье – северное подножие Татр.

делиях дохристианских времен, на камне, обрядовом тесте, писанках, вышивках и кружевах. И что? По нулям.

Когда же вспомнил о масонах, а потом углубился в кишачий символами мир оккультизма, сатанизма и тому подобных глупостей, adeпты которых обожают украсить задницу наколкой или что-нибудь этакое нацепить на куртку, сердце его забилося сильнее. Но – тоже ничего.

Он откинулся на стуле, голова трещала от созерцания экрана и с похмелья. Казалось, кто-то зло над ним пошутит – взял да и перетряс все символы мира и сотворил ни на что не похожий. Надо хорошенько пораскинуть мозгами. Он уставился в монитор, где в разных окнах сошлись перевернутые звезды, дьявольские морды и диаграммы, доказывающие, что в план улиц Вашингтона вписана пентаграмма. Был также рунический алфавит, который на какое-то время приковал его внимание. Он зевнул, потянулся и опять с головой ушел в новые символы. Распознал руны, придуманные Толкиным для «Властелина колец», узнал о различиях между отдельными вариантами этой старогерманской письменности и в конце концов добился успеха (правда, неполного). Если б в его символе замазать фиговину, он выглядел бы как руна «эйваз». Руна магнетическая, символ преобразования, соответствующий тису и знаку Водолея, прекрасный амулет для духовного наставника, государственного чиновника или пожарника. Даже католические святые могли позавидовать столь широкому спектру воздействия. Только что

из этого следует? Ровным счетом ничего – снова заморочка и потеря времени. Да и фиговины нет.

Разозлившись, он поднялся со стула. Ему хотелось спать, разболелась голова, саднил мальчик, во рту после вина был привкус разношенных тапок, а в мозгу после ночных экзерсисов шлепал другой, осуждающий его тапок; к тому же погода была такая, что – или в постель, или в кабак. Тучи висели низко, моросил, не переставая, мелкий надоедливый дождик, вода собиралась на оконном стекле и стекала одиночными струйками. Он подумал об Эльжбете Будник, повешенной за ноги в каком-то складе, об убийце, наблюдавшем, как кровь все медленнее и медленнее вытекает из ее горла. Подставил ведро? Таз? Или она стекла через канализационную решетку? Он представлял себе эту сцену все четче, и чем глубже в нее погружался, тем сильнее росло в нем чувство самой обычной, человеческой, а вовсе не юридической справедливости. Было что-то очаровательное в Эльжбете Будник на видеозаписи с городской камеры. Красивая женщина, с девичьими повадками, которая не забыла, что такое подбежать с подскоками, громко рассмеяться в кино, а летом съесть вафлю со взбитыми сливками и оставить на носу белую кляксу. Которой хотелось заниматься с детьми, устраивать представления, выступления – часто, наверное, даром или за гроши. У которой, скорее всего, были уже расписаны все каникулы, которая знала, кто когда приедет, когда экскурсия, когда концерт, когда поездка в замок в Уазде.

Которая радовалась, когда матери говорили ей: жалко, что мои дети уехали на каникулы, ведь в городе такое творится.

Она была жива, когда он повесил ее за ноги, когда распахал ей горло. Яркая артериальная кровь выстрелила мощной струей, вспенилась, а потом стекала по лицу в такт с последними ударами сердца.

Шацкому впервые в жизни захотелось во что бы то ни стало увидеть преступника в зале суда. Даже если для этого придется с перепоя осматривать каждый гребаный символ, созданный человечеством на протяжении всей своей истории.

Он вернулся к компьютеру, записал все, что нашел о рунах «эйваз», и засел за национальные символы. Подумал, что, пожалуй, правильнее искать не еврейский, а антисемитский след. Читая национальные порталы, не верил своим глазам – он ожидал призывов вроде «Ублажить жида топором!» или «Голубцов в газовую камеру!», с рисуночками в духе довоенных антисемитских пасквилей, а тут – стильные, хорошо отредактированные сайты. Но руны с его фиговиной как на грех нигде не было. Был *Щербец*³⁶, был символ *Фаланги*³⁷ и кельтский крест скинов, безусловно, как знак запрета для тех же самых голубцов. Он уже собирался все похерить, но – долг превыше всего! – кликнул в сервис *malopolscy-*

³⁶ Согласно легенде, щербина (зазубрина) появилась на мече польских королей, когда в XI веке Болеслав Храбрый ударил мечом по Златым вратам Киева, что символизирует собой взятие Киевской Руси.

³⁷ *Фаланга* – символ польских националистов.

patrioci.pl. И шумно, с облегчением выдохнул. В шапке сайта, рядом с гербом Польской Республики красовалась руна с его фиговиной, что бы она ни означала.

– Аллилуйя! – воскликнул он, и в ту же секунду в дверь просунулась рыжая головка Соберай.

– Хвалите Господа, – закончила она осанну Всевышнему. – Утром я описала наш загадочный значок мужу, он сказал, что это *родло* – символ Союза поляков в Германии. Нам бы стоило вернуться в школу, говорит, раз мы этого не помним. Я покопалась немного и... у тебя есть время?

Шацкий быстренько позакрывал все окошки на мониторе.

– Естественно, я разбирал бумаги. Ну конечно же, *родло*, вчера я, пожалуй, сильно перетруился, раз мне это не пришло в голову.

Соберай кинула на него многозначительный взгляд, но промолчала. Уселась рядышком в обволакивающем облачке парфюма, облачке довольно-таки фруктовом, не в меру фруктовом для ранней весны, и разложила на столе распечатанные страницы. На одной из них *родло* было наложено на карту Польши.

– Взгляни-ка, Теодор. – Он позабыл, кто к нему так в последнее время обращался, разве что учительницы в школе. – Загадочная половинка свастики с такой штуковиной – это символ Вислы, видишь ее очертания на карте Польши? Вправо, потом наискосок, вверх-вверх-вверх и потом снова вправо. А штукавина – это место, где Висла протека-

ет через Краков. Символ возник в тысяча девятьсот тридцать третьем году, когда к власти пришел Гитлер. Тогда нацисты ввели свастику, а на все другие символы, кроме ими же одобренных, наложили запрет. О нашем «Белом орле»³⁸ лучше было не заикаться, его строго-настрого запретили еще в прусские времена. И что придумали наши дошлые землячки в Германии? Они придумали этот значок и говорят немцам: вот половинка свастики, немцы строят умное лицо, кивают, дескать, да-да, это имеет смысл, у настоящих немцев своя целая, непревзойденная свастика, а у поляков в Германии только половинка, *гут, гут, оиен хорош польский свиня. Ферштейн?*

– Чего же тут не *ферштейн*, я всё *ферштейн*, – процитировал Шацкий «Мишку»³⁹.

– Понятно, для наших это полная противоположность того, что собой представляла свастика. *Родло* было и остается символом связи немецких поляков с родиной, символом Союза поляков Германии.

– А название? От «*рало*»⁴⁰?

– Нет, это неологизм, составлен из слов «семья» и «герб»⁴¹, ясно? Первый слог – от слова «семья», второй – от

³⁸ «Белый орел» – польский герб, один из старейших ныне существующих символов государственности.

³⁹ «Мишка» – кинокомедия Станислава Бареи (1981 г.). Множество цитат из фильма до сих пор живет в разговорном языке.

⁴⁰ *Рало* – старославянское название сохи, плуга. Ср. с русским «орало».

⁴¹ *Rodło* – *rodzina* (семья) + *godło* (герб).

слова «герб».

Шацкий кивнул.

– И что? Союз все еще существует?

– Насколько мне удалось разузнать, не только существует, но и активно действует, их центр находится в Бохуме. Организация призвана поддерживать поляков, представлять их интересы в различных учреждениях, помогать в трудных ситуациях, это своего рода неправительственное консульство. Среди членов сильно укоренилось национальное сознание, ведь союз возник в двадцатые годы, и им предстояло действовать во время расцвета нацизма – догадываешься, наверно, что это значит.

– Конфискация имущества, аресты, расстрелы, лагеря смерти.

– Именно. Поэтому сегодня *родло* является также символом мученичества, непреклонности, всего, что польское, – его охотно используют националисты, например несколько харцерских⁴² отрядов.

– «Националисты» в смысле: «Он и она – нормальная семья»⁴³?

– Нет, скорее разумные националисты, патриоты.

– Разумные националисты?! – фыркнул Шацкий. – Теперь играем в оксюмороны?

⁴² Харцеры – польские скауты.

⁴³ Лозунг против заключения однополых браков и партнерств, часто используемый партией Ярослава Качиньского «Право и справедливость».

Соберай пожала плечами.

– Может, в Варшаве оно и не модно, но в глубинке некоторые гордятся тем, что они поляки.

– Не далее как вчера ты мне объясняла, что житье настоящего поляка в Сандомеже имеет довольно темную изнаночную сторону.

– Забыла добавить, что между нелюбовью к какому-то народу и поджогом его синагог существует предостаточно пространства, которое могли бы обустроить трезво мыслящие люди.

Шацкому не хотелось спорить. Он не любил людей, одержимых хобби, мало того, он их побаивался. А «народ» в его понимании – это хобби. Страсть, ни к чему не пригодная, от которой толку как от козла молока, но которая так поглощает человека, что при неблагоприятных условиях может привести к беде. Шацкий придерживался мнения, что прокурор не имеет права отождествлять себя с народом, он обязан ни во что не верить и не предаваться отуманивающей разум страсти. Кодекс составлен однозначно: он для всех одинаков, ему безразличны вера и национальная гордость. А прокурору полагалось быть слугой кодекса, блюстителем закона и правосудия.

Соберай встала, подошла к окну и оперлась о подоконник.

– Кстати, о музыке, – бросила она, глядя в окно.

Шацкий выглянул – по другую сторону улицы стоял фур-

гон «Польсата»⁴⁴, техники возились с «тарелкой» на крыше. Ну что ж, не его это цирк и не его обезьяны. Он продумывал следующие шаги. Эльжбета Будник зажала в руке значок Союза поляков в Германии, его также использовали некоторые патриотические и националистические организации. Нужно будет поговорить со здешними националистами, если таковые вообще имеются, проверить харцеров и деятелей правого толка.

– Ежи Шиллер – почетный член Союза поляков в Германии, – произнесла Соберай тихо, словно обращаясь к себе самой. – Дело становится все более странным.

– Кто таков Ежи Шиллер?

Рыжая головка прокурора Барбары Соберай медленно повернулась в его сторону. Случались минуты, когда она казалась Шацкому такой хорошенькой, такой красивой своей женственной, невульгарной, ненахальной красотой. Так было и сейчас. Хотя на ее милом лице рисовалось удивление и недоверие, будто он спросил, кто был предыдущим Папой Римским.

– Шутишь, что ли?

⁴⁴ «Польсат» – первая частная телекомпания в Польше.

Шацкий выслушал все, что Соберай могла рассказать о Ежи Шиллере, и как только она вышла, позвонил Вильчур и попросил немедленно приехать. Срочно требовалось противодействие против похвал, какие расточала его веснушчатая коллега. Из ее рассказа возникал образ красавца, патриота, идеального бизнесмена, аккуратно платящего немалые налоги, знатока искусств, эрудита и джентльмена. Словом, еще один непорочный человек в Сандомеже – городе людей безупречных, праведных, честных и благородных, которые только иной раз подцепят на вилы какого-нибудь еврея или кому-то перережут глотку, а труп забросят в кусты.

Вильчур с покрасневшим носом на желтоватом лице, не снимая плаща, погрузился в кресло. Он принес с собой влагу и холод. В комнате сразу стало темнее, Шацкий включил настольную лампу и объяснил, в чем дело.

– Нет недели, чтоб на Шиллера не пришел донос. – Вильчур оторвал фильтр от сигареты. – То плохо припарковался возле Опатовских ворот. То деревья перед его офисом заслоняют свет. То его собака наложила кучу у кого-то под дверью. То перешел улицу на красный свет, создавая угрозу дорожному движению. То ночью не соблюдает тишину. То высморкался возле памятника Иоанну Павлу II, оскорбляя религиозные чувства католических граждан Сандомежа и тем

самым нарушая статью сто девяносто шестую Уголовного кодекса.

– Последнее, конечно, шутка?

– Какое там. И даже не единичный случай. Взимать бы по злотому в месяц с каждого, кто ненавидит его! – Вильчур замолчал, окутанный облаком дыма, – должно быть, задумался, на что потратить это богатство.

– А ненавидят его за что-то конкретное?

Вильчур хрипло рассмеялся.

– Вы и в самом деле никогда не жили в маленьком городке. Ненавидят его за то, что он богат и красив, за то, что у него большой дом и сверкающий автомобиль. У католиков это означает только одно: что он вор и шкуродер, нажившийся за счет других.

– А на самом деле?

– А на самом деле Ежи Шиллер – бизнесмен, у которого талант к сделкам с недвижимостью: он ворочает ею и здесь, и в Германии, его интересуют привлекательные для туристов места; я слышал, что в свое время он скупал у мужиков участки в Казимеж-Дольном. Немного вкладывает в нашу инфраструктуру: например, построил новую гостиницу на Завихойской. Два-три раза его просвечивала налоговая служба, и не только она, – чист. Своеобразный фрукт, но в этом вы успеете убедиться сами.

– Какие у него были отношения с семьей Будников?

– Наверняка они с Будником не переваривали друг дру-

га. Из-за будниковских делишек и передачи земель Церкви у Шиллера из-под носа увели несколько недурственных участков. Что же до Будник, не имею понятия, Шиллер немного филантроп, возможно, финансировал кое-что из ее мероприятий для детей. Вообще-то они были из разных сказок. Будники – интеллигенция левого толка, почитатели «Газеты Выборчей», а Шиллер скорее энтузиаст «Газеты Польской»⁴⁵ и бело-красного флага на мачте перед домом. Они для него были чуток коммунистами, он для них – маленько фашистом, – во всяком случае, гриль вместе не устраивали.

Вильчур страдал польским недомоганием – если он и выражался о ком-то положительно или нейтрально, то звучало это как оскорбление. Уставший тон, слегка искривленные губы, поднятая бровь, затяжка сигаретой вместо запятой, затяжка и стряхивание пепла вместо точки. Презрение к окружению бросало тень на каждого, о ком говорил старый полицейский.

– Шиллер еврей?

Злобная улыбка промелькнула на губах полицейского.

– Согласно последним веяниям, нам не велено знать, кто какого вероисповедания или происхождения. Но если принимать доносы за чистую монету – стопроцентный. А вдобавок педераст, скотоложец и почитатель сатаны.

Для эффекта Вильчур вскинул руку – мизинец и указа-

⁴⁵ «Газета Польска» – консервативная газета правого толка с националистическим уклоном.

тельный палец образовали рога. Выглядел он теперь как родной брат Кита Ричардса⁴⁶, правда, чуть уродливее и потрепаннее.

Шацкому было не до смеха.

⁴⁶ *Кит Ричардс* – выдающийся английский гитарист и автор песен рок-группы «Роллинг стоунз».

В телефоне Ежи Шиллера приятный баритон попросил по-польски и по-немецки не отказать в любезности и оставить сообщение. Шацкий, не рассчитывая на удачу, оставил, но не прошло и пятнадцати минут, как Шиллер перезвонил, извинившись, что не мог принять звонок. Когда Шацкий принялся объяснять, по какому поводу звонит, тот прервал его вежливо, но решительно.

– Разумеется, я понимаю, в некотором смысле я ожидал этого звонка, поскольку семья Будник и я – мы в Сандомеже люди известные и волей-неволей поддерживали друг с другом, – тут он сделал почти незаметную паузу, – контакты. Признаюсь, я специально отменил поездку в Германию, предвидя, что потребуюсь правосудию.

– В таком случае прошу явиться на улицу Коселы.

– К сожалению, мне далеко до добропорядочного гражданина. Я отменил поездку в Германию, но воспользовался случаем, чтобы устроить дела в Варшаве. Я всё еще нахожусь в столице. – Шацкому понравилось, что он употребил это слово. – В данный момент начинается пятничное совещание, и прежде чем я выеду... А возникнут проблемы, если мы встретимся завтра? Простите за наглость, я, разумеется, в любой момент могу сесть в машину, но, боюсь, раньше восьми вечера не приеду.

Опыт подсказывал Шацкому, что с каждым часом, прошедшим с момента обнаружения трупа, дело становится все более размытым и шансы отыскать преступника снижаются. Он хотел было резко возразить Шиллеру, но убедил себя, что эти несколько ночных часов ничего не решают.

– Хорошо, встретимся завтра.

– Во сколько мне явиться?

– Я сам появлюсь у вас в три часа. – Шацкий понятия не имел, почему так сказал, это был импульс, наитие.

– Разумеется. В таком случае до встречи?

– До встречи, – отозвался Шацкий и положил трубку, на ходу размышляя, с какой стати Шиллер закончил беседу вопросом. Воспитание не позволило ему первым прервать разговор, который начал не он? Или допускал мысль, что они все-таки не встретятся?

В кабинет заглянула секретарша начальницы.

Человек образованный, прокурор Теодор Шацкий изучал основы психологии и знал, что отрицательная установка – тупик. Человек должен связывать себя с положительными эмоциями, с тем, что любит, что делает его счастливым, дает радость. Настраивать себя на то, что раздражает, действует на нервы, все равно что ступить на наклонную плоскость разочарований, по которой скатываешься вниз все быстрее и быстрее, пока не превращаешься в брызжущего ненавистью мизантропа.

Все это было ему хорошо известно, и он, в меру своих сил, старался не вести себя соответствующим образом, но случались моменты, когда превозмогать себя было просто невозможно. Сейчас был один из таких моментов. Прокурор Теодор Шацкий в своем безупречном костюме, подобранном к нему галстук, с прямой спиной, безукоризненной, благородной сединой и строгим взглядом выглядел за импровизированным столом президиума как олицетворение правосудия. Он взирал на собравшуюся по другую сторону группу журналистов, следя за своим дыханием и сдерживая презрение, какое могло появиться на его лице и быть запечатлено камерой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.